891.74
V8858
Op1912

...АЯ ФАБРИКА НА РУСИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

Е. Волковой.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 25 коп.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущено во второмъ изданіи въ ученическія библіотеки [illegible]ныхъ и 2-классн. сельскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книгоиздательство „ШКОЛА"
Москва, Спиридоновка, 14.
1912 г.

СЧАСТЬЕ ВЪ СИЛѢ.

СИЛА ВЪ ЗНАНІИ.

ЗНАНІЕ ВЪ КНИГѢ.

Пожалуйста не трогайте меня грязными руками, мнѣ будетъ стыдно, если меня возьмутъ другіе читатели. —Не исчеркивайте меня перомъ и карандашемъ—это такъ некрасиво. Когда читаете, не ставьте на меня локтей и не кладите меня раскрытой на столъ лицомъ внизъ. Вамъ самимъ не понравилось бы, если-бы съ Вами такъ обращались.—Не кладите въ книжки ни карандаша, ничего толстаго, кромѣ тоненькаго листочка бумаги: отъ этого разорвется корешокъ. Если Вы кончили читать и боитесь потерять мѣсто, гдѣ остановились, то не дѣлайте знака ногтемъ; а вложите въ меня хорошенькую закладку, чтобы я могла удобно и спокойно отдохнуть.—Не забывайте, что послѣ того, какъ Вы прочитали, мнѣ придется побывать у другихъ читателей.

Помогите мнѣ остаться свѣжей и чистой, а я помогу Вамъ быть счастливыми!

90

БЕЗПЛАТНАЯ
Дѣтская Библіотека
12 МАРТ 913
Отдѣла Совѣтскаго
Начальнаго Образованія

H

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

891.74
V8858
Op1912

ПЕРВАЯ ФАБРИКА НА РУСИ.

1955

В 675

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

Е. Волковой.

1242

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 25 коп.

Центральная библ-ка г. Перми им. М. Горького
Инв. № 75
ОТКЛАДО

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущено во второмъ изданіи въ ученическіе библіотеки городскихъ и 2-классн. сельскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книгоиздательство „ШКОЛА"
Москва, Спиридоновка, 14.
1912 г.

1942

6 НОЯБ 1919
Детск... ...ека

170.608

Ст. 901
В. 67. п.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

891.74
V8858
Op1912

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
«Земли родной минувшую судьбу».

Пушкинъ.

ГЛАВА I.

Море непривѣтное,
Льдами окруженное;
Полночь безпросвѣтная,
Полночь усиленная
Мракомъ и молчаніемъ,
Только озаренная
Сѣвернымъ сіяніемъ.

Окутанный холодною мглою, загроможденный льдами, далеко во всѣ стороны разстилается Сѣверный Ледовитый океанъ. Много тайнъ сокрыто въ его неизвѣстныхъ пучинахъ, жестоко мститъ онъ людямъ за малѣйшую попытку проникнуть въ эти тайны. Не мало отважныхъ мореходцевъ поплатились жизнью за свою любознательность и нашли смерть въ его ледяныхъ волнахъ. Но пытливость и предпріимчивость человѣка не имѣютъ границъ. Смѣлаго мореплавателя не пугали препятствія, онъ не страшился грозящихъ опасностей, его не останавливала даже мысль о возможности смерти. Напротивъ, воспоминаніе о погибшихъ товарищахъ словно придавало ему новыхъ силъ,

словно зажигало жаждой мести его сердце: онъ гордо бросалъ новый вызовъ страшному чудовищу и смѣло пускался въ путь съ твердой вѣрой подчинить, наконецъ, могучаго титана власти человѣка. А этотъ могучій титанъ словно тѣшился надъ человѣческими усиліями, словно игралъ съ людьми: онъ гостепріимно открывалъ свои холодныя объятія какому-нибудь счастливому избраннику: величаво, спокойно разступались передъ нимъ громадныя ледяныя глыбы и пропускали отважнаго гостя на суровые берега. Его успѣхъ вызывалъ послѣдователей, но Ледовитый океанъ становился безпощаденъ: заманивъ удачей новыхъ гостей, онъ на этотъ разъ негостепріимно замыкалъ передъ ними свои ледяныя ворота, окутывалъ ихъ туманомъ, разбивалъ въ щепки ихъ корабли, сковывалъ на вѣки ихъ члены своимъ ледянымъ дыханіемъ...

Съ давнихъ временъ, изъ года въ годъ, шла эта упорная борьба человѣка съ грознымъ Сѣвернымъ океаномъ. Съ самыми разнообразными цѣлями старались люди проникнуть въ его ледяное мерзлое царство. «Непривѣтное море» манило къ себѣ и людей науки, и предпріимчиваго человѣка, отыскивающаго путь въ новыя страны, и мелкаго промышленника, обитавшаго на берегу его...

XV и XVI вѣка прославлены въ исторіи человѣчества великими географическими открытіями. Словно горячкой, заражались люди того времени духомъ изобрѣтеній и открытій. Казалось, никогда еще таинственное, неизвѣстное не влекло къ себѣ такъ человѣка, какъ въ то славное время. Одинъ за другимъ снаряжались корабли и плыли невѣдомо куда, повинуясь прихотливой игрѣ вѣтровъ; окрыленные самыми смѣлыми надеждами, люди носились

по волнамъ невѣдомыхъ морей... И не безслѣдно прошло это увлеченіе: были открыты неизвѣстныя дотолѣ страны, Старый Свѣтъ впервые столкнулся съ Новымъ Свѣтомъ, съ новыми людьми, обогатился новыми сокровищами... Португалія и Испанія одна за другой высылали своихъ многочисленныхъ сыновъ для завоеванія вновь открытыхъ земель съ ихъ сказочными богатствами... развивалась торговля, завязывались сношенія между отдѣльными странами, возникло соревнованіе въ открытіи новыхъ земель.

Англичане, извѣстные въ исторіи своимъ предпріимчивымъ, промышленнымъ духомъ, не могли простить португальцамъ и испанцамъ ихъ счастливыхъ завоеваній въ западной Африкѣ и въ Индіи. Несмѣтныя богатства, вывезенныя Испаніей и Португаліей изъ новыхъ странъ, не давали покоя англичанамъ, Къ тому же, въ половинѣ XVI вѣка англійскіе купцы стали замѣчать, что спросъ на ихъ товары въ сосѣднихъ и дальнихъ земляхъ замѣтно уменьшается, цѣны ихъ понизились, между тѣмъ, какъ требованія на иностранные товары увеличились и цѣны ихъ значительно возросли. Призадумались купцы надъ тѣмъ, какъ помочь бѣдѣ, и рѣшили послѣдовать примѣру испанцевъ и португальцевъ: испанцы и португальцы открыли Магеллановъ проливъ и черезъ него нашли путь въ сказочно-богатыя страны: не попытаться ли и имъ, англичанамъ, поискать такого пути черезъ сосѣдній съ ними Ледовитый океанъ? Можетъ-быть, обогнувъ Норвегію, имъ удастся открыть проливъ, подобный Магелланову, который приведетъ ихъ въ Индію и Китай? Страшенъ Ледовитый океанъ съ его туманами и льдами, но богатства Индіи и Китая, или

Кетая, какъ говорили въ то время, были слишкомъ заманчивы. Англія обогатится тогда, подобно Испаніи, несмѣтными богатствами восточныхъ странъ, а англійскіе товары найдутъ себѣ сбытъ въ этихъ вновь открытыхъ земляхъ... Въ царствованіе Эдуарда VI, лондонскіе купцы составили, наконецъ, компанію на акціяхъ, и на собранныя деньги снарядили корабли для открытія новыхъ торговыхъ путей и новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ.

Въ ясный весенній день 11 мая 1553 года отъ англійскаго берега отдѣлились 3 корабля — «Эсперанца» и «Конфиденція», подъ начальствомъ опытнаго мореплавателя — Гуго Уильби и «Эдуардъ Бонавентура» — подъ начальствомъ Ричарда Ченслера. Напутствуемые самыми лучшими пожеланіями, корабли направились къ сѣверу и поплыли вдоль береговъ Норвегіи*).

Въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, плаваніе было благополучно, но, въ концѣ іюля, на морѣ разразилась страшная буря. По небу ползли сѣрыя тучи, поднялся вѣтеръ, море заволновалось... въ воздухѣ послышался зловѣщій шумъ и грохотъ... то неслись, подгоняемыя вѣтромъ, громадныя льдины и по пути, сталкиваясь между собою, съ трескомъ ломались въ куски. Съ каждой минутой вѣтеръ крѣпчалъ, волны вздымались все выше и выше и, сердито ворча и пѣнясь, разбивались о несущіяся навстрѣчу ледяныя глыбы. Какими жалкими, безпомощными казались три корабля среди этой разъяренной стихіи! Вотъ еще мгновеніе, и гигантская

---

*) Гамель. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ Зап. Имп. ак. наукъ Т. 8, кн. 1.

льдина раздавитъ ихъ, разобьетъ въ щепки, и отъ смѣлаго предпріятія не останется и слѣда. Но «непривѣтное море» на этотъ разъ было милостиво къ отважнымъ мореходамъ: оно оставило имъ жизнь, пощадило ихъ корабли, оно только разъединило ихъ. Гуго Уильби съ ужасомъ увидѣлъ, какъ «Эдуардъ Бонавентура», подхваченный могучей волною, понесся въ противоположную сторону, а скоро онъ и совсѣмъ скрылся изъ глазъ.

Море успокоилось, небо прояснилось, смолкли жалобные крики чаекъ. «Конфиденція» и «Эсперанца», потерявъ изъ виду своего третьяго товарища, снова поплыли къ сѣверу и благополучно достигли мыса Вардэгуса. Дальше этого мыса не плавалъ еще ни одинъ англійскій корабль. Съ любопытствомъ всматривались мореплаватели въ безконечную даль. Что-то встрѣтятъ они на этомъ неизвѣстномъ имъ пути, какія страны, какихъ людей найдутъ у береговъ суроваго Ледовитаго океана?

Лѣто было въ полномъ разгарѣ. При блескѣ яркихъ солнечныхъ лучей, громадныя ледяныя глыбы ослѣпительно сверкали и искрились всѣми цвѣтами радуги. Восхищеннымъ взорамъ путниковъ они казались колоссальными дворцами и башнями, украшенными изумрудными колоннами, арками и столбами самой причудливой формы.

Мѣрно покачиваясь на волнахъ, эти фантастическія башни, дворцы и храмы медленно плыли къ югу и таяли по пути. Надъ ними носились цѣлыя стаи гагаръ и чистиковъ. Громкіе крики птицъ сливались въ дружный, радостный хоръ жизни съ шумомъ талой воды, которая каскадами сбѣгала съ ледяныхъ колоннъ и столбовъ. Порой изъ волнъ показывалась круглая голова тюленя

и снова скрывалась въ подводномъ царствѣ. Порой подымался китъ, и далеко въ воздухѣ разносилось его фырканье, похожее на тяжелые вздохи...

Но полярное лѣто коротко: уже въ половинѣ августа начались туманы, и воздухъ сталъ холоднѣе. Три недѣли уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ мореходцы обогнули мысъ Вардэгусъ, а корабли ихъ все еще носились по волнамъ открытаго моря. Безбрежный океанъ, сверкающія ослѣпительнымъ блескомъ льдины, стаи чаекъ и гагаръ, — вотъ все, что они видѣли передъ собой... И только 14-го августа, рано утромъ, сквозь дымку тумана показался рядъ суровыхъ каменныхъ скалъ. Мрачныя сѣрыя громады круто низвергались въ море, которое волновалось и бурлило у ихъ темныхъ подножій. Пустынны, дики были эти скалистые берега, окутанные туманомъ. Глубокія пропасти и высокія горы, лишенныя растительности, не радовали взора мореплавателей, а вѣтеръ уносилъ ихъ корабли далеко отъ этой невѣдомой, негостепріимной страны*)...

Прошелъ еще мѣсяцъ, суровая сѣверная осень вступила въ свои права: стоялъ сентябрь. Дни замѣтно укоротились, солнце съ каждымъ днемъ все ярче окрашивалось въ алый цвѣтъ и все раньше уходило на покой за темно-синіе ряды отдаленныхъ ледяныхъ валовъ. Томительно скучно тянулись долгія ночи. Но вотъ однажды, среди глубокой ночной тьмы, люди на кораблѣ были поражены чуднымъ, невиданнымъ ими, зрѣлищемъ: надъ горизонтомъ поднялось легкое облачко, верхніе края котораго свѣтились страннымъ свѣтомъ. Черезъ мгнове-

*) Вѣроятно, то былъ южный берегъ Новой Земли.

ніе изъ облака показались неровные тусклые языки пламени, которое становилось ярче и ярче. Прошло еще нѣсколько мгновеній, и огненные языки превратились въ цѣлые снопы лучей. Они перекрещивались между собой и, перегоняя другъ друга, стремились отъ горизонта къ зениту. Вотъ они уже надъ головами мореплавателей... разсыпались огненными лентами по всѣмъ направленіямъ... ослѣпительно сверкали на темномъ фонѣ неба красные, зеленые, желтые лучи, переливаясь изъ одного цвѣта въ другой... Все небо, казалось, было объято пламенемъ. Какъ очарованные, стояли путники на палубѣ кораблей, не отрывая взора отъ чуднаго явленія полярной ночи. А лучи все разгорались, все ослѣпительнѣе сверкали всевозможными цвѣтами. И тишина кругомъ была невозмутимая, не нарушаемая ни единымъ звукомъ. Даже ледяныя глыбы, словно боясь нарушить это торжественное безмолвіе окружающей природы, двигались тихо, безшумно по темнымъ волнамъ, залитыя фантастическимъ свѣтомъ разноцвѣтныхъ лучей. Вотъ онѣ поплыли дальше, прочь отъ этого свѣта, скрылись въ тьму, а верхушки ихъ, словно бриллiантовые шпили, все еще блестѣли передъ онѣмѣвшими отъ восторга людьми.

Вдругъ яркіе огненные лучи мгновенно погасли, и жутко стало мореплавателямъ, когда они снова увидѣли передъ собой темное небо, которое, послѣ яркаго свѣта, казалось имъ почти чернымъ. Только надъ самыми ихъ головами таинственно мерцала блѣдно-голубая полоска. Глазъ не спускали съ нея люди и все ждали, — не разгорится ли этотъ блѣдно-голубой лучъ, не охватитъ ли снова все небо яркимъ пламенемъ?... Увы, блѣдный лучъ угасъ, и все погрузилось во мракъ. Словно освободив-

70.608 Сл. 901/13.

шись отъ очарованія, ледяныя глыбы зашумѣли, затрещали, гдѣ-то прозвучалъ жалобный плачъ гагары, послышался глухой, протяжный вздохъ кита. Зачаровавъ на минуту все, живущее въ Ледовитомъ океанѣ, сѣверное сіяніе исчезло, и море снова зажило своей обычной жизнью.

Съ той поры сэръ Уильби и его товарищи могли каждой ночью любоваться дивной игрой лучей на темномъ небѣ. Великолѣпное сѣверное сіянье вносило разнообразіе въ ихъ скучную жизнь и примиряло ихъ съ холоднымъ, непривѣтливымъ Ледовитымъ океаномъ.

14 сентября они еще разъ увидѣли берегъ, мрачный и пустынный, изрытый высокими горами и глубокими пропастями. Вокругъ его каменистыхъ утесовъ съ громкими криками вились чайки, гагары и буревѣстники... Утомленные долгимъ плаваніемъ, мореходцы рѣшились подойти къ суровому берегу. Съ трудомъ пробрались ихъ корабли сквозь громадныя льдины, которыя, словно на стражѣ, стояли у входа въ бухту*), такія неподвижныя, неприступныя, полныя грознаго величія... На другой же день путники покинули дикій, безлюдный берегъ и поплыли дальше.

Погода стояла тихая, небо было ясно. Но, странное дѣло! Почему же тамъ, куда направлялись корабли, такъ бурлило и пѣнилось море? Сэръ Уильби не подозрѣвалъ, что они плыли къ самому опасному мѣсту въ Ледовитомъ океанѣ, — къ мысу, извѣстному у береговыхъ жителей подъ именемъ Святого Носа. Два теченія, сливаясь у оконечности Св. Носа, образуютъ сильный водоворотъ, и горе тому судну, которое слу-

*) Нокуевская бухта у Лапландскаго берега.

чайно попало сюда!... По мѣрѣ приближенія кораблей къ водовороту, погода начала мѣняться: подулъ сильный, рѣзкій вѣтеръ. У самаго мыса море ревѣло и бушевало, громадныя пѣнистыя волны съ необычайной силой вздымались на каменистый берегъ и, съ грохотомъ ударяясь о высокія скалы, разсыпались на миріады брызгъ. Съ ужасомъ глядѣли мореплаватели на этотъ невообразимый хаосъ воды, брызгъ и пѣны: за ревомъ волнъ, они не могли разслышать другъ друга. Корабли ихъ, словно мячики, подбрасывало на волнахъ. Еще минута, и они попали бы въ самый водоворотъ и навѣки скрылись бы въ морской пучинѣ; но сэръ Уильби во-время далъ приказъ поворотить назадъ: корабли поспѣшили покинуть опасное мѣсто и, послѣ неимовѣрныхъ усилій, снова вошли въ Нокуевскую губу. Здѣсь Уильби хотѣлъ подождать перемѣны противнаго вѣтра, чтобы снова пуститься въ путь. Но ему не удалось дождаться благопріятной погоды. Настало скверное осеннее время съ морозами и снѣгами. Луна съ ночи на 22-е сентября пошла на ущербъ. Ледяныя глыбы отъ морозовъ и обилія снѣга превратились въ одну сплошную льдину, которая не пропускала корабли. Прошла недѣля въ напрасной надеждѣ, что сильный вѣтеръ разломаетъ льдины и пропуститъ мореплавателей. Но ледъ не ломался, напротивъ, онъ плотнѣе облегалъ со всѣхъ сторонъ корабли... Сэръ Уильби и его товарищи рѣшились зимовать у Нокуевской бухты... Печально и спокойно разстилалась передъ ними ледяная поверхность, навѣвая на душу тоскливое чувство. По цѣлымъ часамъ ни одно живое существо не нарушало мертваго покоя засыпающей природы.

Только изрѣдка показывалась надъ кораблемъ одинокая чайка и, быстро хлопая крыльями, спѣшила на югъ, прочь изъ этого ледяного царства. Затертые льдами, не имѣя возможности двинуться дальше, люди съ завистью слѣдили за полетомъ вольной птицы... Не одинъ разъ Уильби посылалъ въ разныя стороны отыскивать какое-нибудь жилье человѣческое. Вѣдь не совсѣмъ же пустынна эта страна, близъ которой они должны зимовать; вѣдь живутъ же здѣсь какіе-нибудь люди, думалъ онъ. Но проходили долгіе мучительные часы ожиданій, и посланные возвращались все съ тѣмъ же отвѣтомъ: кругомъ нѣтъ ни души, и только выступающія изъ сугробовъ снѣга бревенчатыя стѣны говорили о томъ, что здѣсь обитали когда-то люди, быть-можетъ, еще очень недавно; по пути имъ попадались обрывки сѣтей; видно, то были становища рыболововъ, которые успѣли уже убраться на зиму вглубь страны. Томительно однообразно тянулись дни, еще тоскливѣе было въ долгія ночи... порой люди просыпались отъ страшнаго треска и въ испугѣ выбѣгали на палубу: то начинался такъ называемый *напоръ льда*. Грозно вздымались ледяныя горы и бѣшено лѣзли одна на другую, образуя громады въ нѣсколько десятковъ саженъ вышины. Воздухъ дрожалъ отъ треска и грохота ломающихся льдинъ. Среди этой разъяренной стихіи хорошо чувствовалъ себя только бѣлый медвѣдь, который съ удивительной ловкостью перебѣгалъ съ одной льдины на другую, нюхая воздухъ и ища добычи. Мысль о возможности погибнуть подъ напоромъ льда приводила людей въ отчаянье; сонъ ихъ сталъ чутокъ, при малѣйшемъ шумѣ они выскакивали на палубу, чтобы встрѣтить опасность лицомъ къ лицу.

Между тѣмъ наступила зима. Начались страшные морозы. Корабли окончательно вмерзли въ ледъ. Англичане, не имѣвшіе понятіе о суровой сѣверной зимѣ, не запаслись теплой одеждой и жестоко страдали отъ нестерпимаго холода. Солнце показывалось только въ полдень и, наконецъ, 25-го ноября, оно въ послѣдній разъ взошло надъ горизонтомъ. Съ безнадежной тоской смотрѣли люди на потемнѣвшее небо: только красная полоска зари виднѣлась еще нѣсколько дней сквозь фіолетовую дымку морознаго пара, — вотъ и она скрылась. Все погрузилось въ глубокій мракъ, началась одна безпрерывная, долгая ночь...

Тьма была непроглядная: люди въ нѣсколькихъ шагахъ не могли различить другъ друга. Вспыхивавшія на мгновеніе чудныя сѣверныя сіянія не разгоняли этой тьмы, не восхищали больше путниковъ, дрожавшихъ отъ холода. Людямъ казалось теперь, что это погребальные факелы зажигались надъ огромной могилой. Только луна скрашивала на нѣсколько ночей ихъ жалкое существованіе: ея свѣтъ разсѣивалъ густой мракъ полярной ночи...

Ясно рисовались тогда на темномъ фонѣ неба два корабля, закинутые судьбой далеко отъ родины. Покрытые инеемъ, они казались бѣлыми привидѣніями; высоко къ небу поднялись ихъ мачты, а обледенѣлые канаты переливались всевозможными цвѣтами при серебристомъ сіяніи луны.

Съ благодарностью взирали люди на это благодатное свѣтило, и сердца ихъ снова загорѣлись надеждой. Увы, этимъ надеждамъ не суждено было сбыться... Нестерпимый холодъ ледянилъ ихъ члены; многіе не выдержали.

Съ ужасомъ услыхалъ сэръ Уильби, что на другомъ кораблѣ два купца успокоились вѣчнымъ сномъ. Страшное отчаяніе овладѣло людьми: кругомъ беспросвѣтный мракъ, а впереди грозный призракъ смерти, вѣчный мракъ могилы... Съ той поры морозъ безпощадно вырывалъ изъ среды моряковъ новыя жертвы: суровый Ледовитый океанъ жестоко платилъ людямъ за ихъ смѣлость. Десять, двадцать, тридцать человѣкъ погибли уже, объятые ледянымъ дыханіемъ зимы. Гуго Уильби съ невыразимой мукой въ душѣ погребалъ преждевременно погибшихъ товарищей... Наступили рождественскія праздники. Передъ потухающими взорами моряковъ рисовались чудныя картины: имъ грезился семейный очагъ, залитыя огнями комнаты, надъ ними склонялись родные, близкіе люди, они отогрѣвали ихъ окоченѣвшіе члены своимъ горячимъ дыханіемъ, все было радостно, привѣтливо кругомъ... Морозъ, безпощадно губя людей, въ предсмертныя минуты очаровывалъ ихъ воображеніе дивными видѣніями, и они съ улыбкой на устахъ уходили туда, откуда нѣтъ возврата... Уже немного ихъ осталось, Сэръ Уильби закрылъ глаза послѣднимъ товарищамъ... близка и его очередь... Наступилъ Новый годъ, январьскіе морозы были словно еще крѣпче; вотъ и конецъ января... На небѣ около полудня показалась свѣтлая полоска: красноватое зарево засвѣтилось на горизонтѣ. Не было сомнѣнія, — долгая ночь кончилась, скоро появится солнце, будетъ свѣтло и тепло, пришелъ конецъ сѣверной зимѣ... Но эти мысли уже не радовали Гуго Уильби: онъ усталъ, онъ измученъ, гибель всего экипажа убила въ немъ силы жизни. Вотъ они, его товарищи! Слабый свѣтъ съ трудомъ позволяетъ раз-

глядѣть эти знакомыя лица, съ плотно сомкнутыми очами. Они лежатъ неподвижно, такіе холодные, спокойные. И Гуго Уильби вспомнился тотъ день, когда всѣ они, полные жизни и смѣлыхъ надеждъ, покидали родной берегъ. Никто изъ нихъ не увидитъ его больше. А Ричардъ Ченслеръ! Гдѣ-то теперь этотъ отважный мореплаватель? Разъединенный съ ними бурею, нашелъ ли онъ смерть въ холодныхъ волнахъ, или судьба была къ нему милостивѣе, чѣмъ къ нимъ? А можетъ-быть, онъ такъ же, какъ и они, замерзаетъ теперь у береговъ какой-нибудь дикой, пустынной страны! Всѣ погибнутъ и никто не узнаетъ, какъ страдали они, какъ боролись съ суровой природой! Уильби крѣпко прижималъ къ груди дневникъ, въ которомъ записывалъ всѣ событія ихъ восьмимѣсячнаго плаванія. Прочтетъ ли его кто-нибудь? Слабой, коченѣющей рукой машинально, по привычкѣ, вписывалъ онъ въ него послѣднія строчки... Его взоръ угасалъ...

30-го января въ первый разъ взошло солнце, но на корабляхъ уже некому было привѣтствовать его появленіе: Гуго Уильби погибъ послѣднимъ. Пурпуровые лучи на нѣсколько мгновеній озарили обледенѣвшіе трупы погибшихъ и, словно испугавшись страшной картины, снова скрылись... Но съ той поры солнце каждый день все дольше и дольше оставалось на небѣ. Подъ его благодѣтельными лучами оживилась и сѣверная природа. Началось таяніе льда, прилетѣли птицы и веселыми криками привѣтствовали наступающую весну. Все радовалось, все пробуждалось къ жизни. Только люди на кораблѣ, равнодушные къ этой ликующей природѣ, продолжали спать глубокимъ, безпробуднымъ сномъ вѣчности.

ГЛАВА II.

Край далекій, край суровый,
Глядь — куда ни посмотри,
Снѣгъ периною пуховой
Застилаетъ пустыри,
Вотъ чернѣетъ и жилище:
Чуя выгодный товаръ,
Основалъ здѣсь становище
Бѣломорскій соловаръ.

Сердито катитъ свои волны въ Бѣлое море широкая многоводная Сѣверная Двина. Пустынны и малонаселенны ея берега. Лѣсистые и болотистые въ верховьяхъ рѣки, они томятъ мрачнымъ однообразіемъ по мѣрѣ приближенія своего къ сѣверу. Изрытые оврагами и глубокими щелями, они не на минуту не порадуютъ взора веселымъ, красивымъ пейзажемъ, не очаруютъ яркостью и разнообразіемъ красокъ.

Спокойная, кроткая въ тихіе безвѣтряные дни, бурливая и грозная въ осеннее время, Сѣверная Двина въ продолженіе многихъ вѣковъ равнодушно глядѣла на то, какую упорную, тяжелую борьбу съ суровой природой вели люди, задумавшіе поселиться на ея непривѣтливыхъ берегахъ. Еще пустыннѣе, еще суровѣе устья Сѣверной Двины. Здѣсь, у самаго моря не встрѣтишь ничего, кромѣ глины да песку, и только изрѣдка попадается блѣдная, чахлая растительность. Незавидно было житье человѣка, котораго судьба закинула въ этотъ глухой приморскій край. Цѣлые годы видѣлъ онъ передъ собой все одну и ту же картину — голыя скалы, окутанныя туманомъ, а вдали безбрежное безконечное море... его

слухъ дни и ночи ласкалъ шумный прибой холодныхъ волнъ, на тысячи брызгъ разсыпающихся у подножія скалъ; съ замираніемъ сердца прислушивался онъ къ завыванію вѣтра, къ треску ломающихся льдинъ, къ печальнымъ крикамъ чаекъ... вся надежда его была на море, на это грозное, измѣнчивое море, единственный источникъ его существованія. «Море — наше поле, дастъ Богъ рыбу, дастъ Богъ и хлѣбъ» — такъ говоритъ поморецъ теперь, такъ говорилъ онъ и 350 лѣтъ тому назадъ.

Короткое сѣверное лѣто приходило къ концу. Окрестности небольшого посада Ненокcы, который пріютился у Корельскаго устья Сѣверной Двины, уже покрылись легкимъ, пушистымъ снѣгомъ. Гагары, морскіе попугаи и другія птицы пропали, и только однѣ чайки еще кружились надъ водой. Дни становились замѣтно короче. Все предвѣщало близкую осень, а за нею долгую зиму съ безконечно длинными ночами, съ метелями и вьюгами, съ трескомъ стамухъ *), озаренныхъ полярнымъ сіяніемъ.

Быль вечеръ 24 августа 1553 года. Рано засвѣтились лучины въ курныхъ избахъ ненокшанъ. Дома только старый, да малый, да женщины. Всѣ, кто помоложе да покрѣпче, еще съ начала лѣта уѣхали на Мурманъ ловить рыбу: много всякой рыбы водилось у Мурманскаго берега. Не сидѣлось поморцу въ душной избѣ, привыкъ онъ на своей утлой лодкѣ по морю разгуливать, да и семью прокормить нужно было. А рыбный промыселъ давалъ ему доходъ: большой спросъ на рыбу былъ на всѣхъ ярмаркахъ и торжищахъ. «Море, хотя и горе, а безъ него намъ вдвое», «море — наше поле», гласятъ старинныя поговорки поморцевъ.

*) Льдины.

Долго тянется вечеръ. Чего только не придумаешь, цѣлыя часы сидя за прялкой, чего только не поразскажутъ старые дѣды, занятые починкой сѣтей. А много знаютъ они кое-чего отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, не мало слышали они разсказовъ про сѣдую старину. Знаютъ они, что было здѣсь, на мѣстѣ этого посада, много лѣтъ тому назадъ. Жила здѣсь чудь «бѣлоглазая», съ давнихъ поръ жила, не думала, не гадала о томъ, что ждетъ ее впереди. Вдругъ, откуда ни возмись, явились на утлыхъ ладьяхъ какіе-то люди, сошли на берегъ, и вотъ тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, нѣсколько дней и ночей подъ рядъ происходила жестокая сѣча. Кто побѣдитъ? Кому владѣть этимъ краемъ?

Не устояла «бѣлоглазая» чудь, «зарылась въ землю», и новые пришельцы овладѣли краемъ. Старые дѣды могутъ указать и мѣсто, гдѣ происходила эта кровавая сѣча; они знаютъ, гдѣ сложилъ голову буйный «ватаманъ». Хорошо имъ извѣстно также, откуда пришли новые завоеватели. По-своему, наполняя свои разсказы вымысломъ и легендами, они говорили о подвигахъ новгородскихъ ушкуйниковъ. Да, то были вольные сыны великаго Новгорода, то были «дѣти славы вѣчевой». Не сидѣлось спокойно этимъ удальцамъ въ родномъ городѣ, на своихъ легкихъ ладьяхъ-ушкуяхъ они выѣзжали по рѣкамъ искать «дали да простора, да битвы роковой», заходили и въ самое море... и далеко по морю разносились тогда ихъ удалыя пѣсни... Буйные сыны вѣчевого города покоряли ему одну за другой области, лежащія по сѣверной Двинѣ, ближе къ морю. Чуяли они на берегахъ Бѣлаго моря богатую добычу: недаромъ же такъ жестоко били они заселявшее этотъ край фин-

ское племя «чудь бѣлоглазую», недаромъ разоряли ее налогами и поборами, недаромъ прогоняли ее далеко вглубь страны. Невсегда эти набѣги новгородцевъ были удачны, и нерѣдко озлобленные туземцы давали своимъ притѣснителямъ дружный отпоръ. Но въ XII вѣкѣ новгородцы уже прочно утвердились по берегамъ Сѣверной Двины: привлекаемые естественными богатствами края, они переселились сюда изъ родного города, напутствуемые благословеніемъ у храма св. Софіи, закрѣпляли за собой новыя земли, заводили торговыя предпріятія; частью истребляя чудь, частью сливаясь съ нею, они основывали здѣсь села и деревни, строили монастыри, которые насаждали христіанство среди языческаго финскаго населенія. Всѣмъ Двинскимъ краемъ управляли посадники. Со всѣхъ посадовъ и селеній, основанныхъ и покоренныхъ новгородцами, доходы собиралъ сотскій. Десятая часть доходовъ шла храму св. Софіи. Для сбора этой десятины и для управленія владѣніями, принадлежащими святому храму, въ Двинскомъ краѣ жилъ намѣстникъ новгородского Владыки*).

Такъ точно возникъ въ X вѣкѣ и посадъ Неноксы. Новые пришельцы стали промышлять здѣсь рыбной ловлей, занялись выварокой соли изъ морской воды; много понастроили они по берегу Бѣлаго моря длинныхъ деревянныхъ сараевъ, такъ называемыхъ соляныхъ варницъ. Немало соли развозилось ими по сосѣднимъ ярмаркамъ и торжищамъ...

Развивалась торговля и промышленность въ Двинскомъ краѣ, богатѣли поселившіеся здѣсь новгородцы. Но

*) Двинская лѣтопись.

въ то же время богатѣла и возвышалась Москва. Хитрые московскіе князья, собирая подъ свою власть всю русскую землю, давно уже недружелюбно поглядывали на вольный городъ Новгородъ и не прочь были подчинить себѣ богатый Двинскій край. Долго тянулась борьба новгородцевъ съ московскими князьями изъ-за обладанія Двинской землей... сильные московскіе князья побѣдили и, въ концѣ XV вѣка, покорили Новгородъ Великій, а вмѣстѣ съ нимъ и подвластную ему двинскую землю.

Все это разсказывали старые дѣды своимъ внукамъ подъ жужжанье веретенъ, при трескѣ догарающей лучины. Не одинъ разъ за это время вставали изъ-за своей работы ненокшанки и выходили на берегъ; пристально вглядывались онѣ вдаль и прислушивались къ плеску волнъ: не послышится ли взмахъ веселъ, не покажется ли утлая ладья, не возвращается ли съ Мурмана домой на зиму кормилецъ семьи? Но никого не было видно, только вѣтеръ шумѣлъ и все сильнѣе вздымалъ волны, бурлило и сердилось море... и еще мрачнѣе выступали въ темнотѣ огромныя соляныя варницы.

Вотъ послышался ударъ колокола, гулкій, протяжный... звукъ его далеко разнесся по пустынному прибережью. Это звонили въ монастырѣ, что стоялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Неноксы, на самомъ Корельскомъ устьѣ Сѣверной Двины. Раздался второй ударъ... такъ уже давно заведено: въ долгіе осенніе вечера, съ монастырской колокольни время отъ времени раздавались громкіе удары большого колокола... Кто знаетъ, можетъ-быть, въ эти часы гдѣ-нибудь неподалеку сбился съ дороги одинокій путникъ, занесенный непогодой? — Услышитъ онъ церковный звонъ и пойдетъ на него.

Услышатъ его и съ моря... Въ темныя ночи не трудно потерять путь... Загудитъ вѣтеръ, разбушуется море, понесутъ пѣнистыя волны, какъ игрушку, лодку рыбака далеко отъ берега, и эти мѣрные, однообразные удары колокола прозвучатъ въ его душѣ чѣмъ-то роднымъ, близкимъ. Онъ почувствуетъ себя не совсѣмъ одинокимъ среди разъяренной стихіи...

Прислушиваются ненокшане къ колокольному звону монастыря, и цѣлый рой новыхъ воспоминаній вызываетъ этотъ звонъ въ памяти ихъ древнихъ обитателей. Это было еще не такъ давно, на глазахъ ихъ дѣдовъ,— княжилъ на Руси въ то время великій князь Иванъ Васильевичъ III, дѣдъ теперешняго царя Ивана Васильевича IV. Владѣла въ ту пору посадомъ Неноксы и другими поморскими землями посадница Великаго Новгорода Марѳа Борецкая. Властная была женщина, умная, честолюбивая; умѣла она ладить съ непокорными буйными сынами вѣчевого города. Прислушивались къ ея голосу вольные новгородскіе люди. Молва объ ея умѣ, объ ея нравственномъ значеніи среди свободнаго народа, объ ея несмѣтныхъ богатствахъ разносилась далеко, доходила до самой Москвы. Съ ней считался самъ великій князь московскій Иванъ III, задумавшій въ то же время покончить съ вольнымъ городомъ. Вотъ и вздумала она разъ осмотрѣть свои вотчины по берегамъ Бѣлаго моря и Сѣверной Двины и прислала сюда двухъ своихъ сыновей — Антона и Феликса. И молодцы же были, сказывали дѣды: рослые, здоровые, одинъ другого краше. Заѣхали и въ Неноксу, отвѣдали здѣшней хлѣба-соли, да не долго побыли: торопились другія вотчины осмотрѣть, а не мало ихъ было... не даромъ новгородскіе

удальцы, не жалѣя, рубили «чудь бѣлоглазую», отнимая у ней землю за землей. И случилась тутъ бѣда великая. Не послушались они совѣта старыхъ людей, съ малыхъ лѣтъ жившихъ возлѣ моря, не переждали денекъ, другой. А море предвѣщало бурю... поплыли, понадѣялись на себя, а кормщикъ-то попался имъ плохой. И поднялась буря крѣпкая: волны такъ и лѣзли на прибрежные утесы, и не помнили старики, чтобы когда-нибудь такъ ревѣло море: погибли удальцы. На двѣнадцатый день тѣла ихъ были выброшены на берегъ, тутъ же ихъ и похоронили. Сильно горевала Марѳа-посадница и, въ память погибшихъ сыновей, приказала построить монастырь съ церковью во имя святителя Николая на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были погребены ихъ тѣла *).

Такъ возникъ Никольскій монастырь, къ звону котораго прислушивались ненокшане въ августовскій вечеръ 1553 года. Проходили годы, но горе матери не затихало. Марѳа заказывала монастырю поминовенья о душахъ безвременно погибшихъ сыновей и щедро награждала монастырь вотчинами, лугами, солеварницами... Съ тѣхъ самыхъ поръ и посадъ Неноксы съ его соляными варницами сталъ считаться въ числѣ монастырскихъ угодій...

Разсказывали древніе старики объ этихъ дѣлахъ давно минувшихъ дней, и жадно слушали ихъ быстроглазые внуки, и прочно укладывались въ ихъ памяти эти разсказы. Пройдутъ года, подростутъ внуки, сами станутъ отцами, дѣдами, и, въ свою очередь, вотъ также, въ длинные осенніе и зимніе вечера, будутъ разсказывать они своимъ внучатамъ то, что слышали отъ сво-

---

*) Максимовъ. «Годъ на сѣверѣ».

ихъ дѣдовъ. Такъ, передаваясь изъ устъ въ уста, отъ поколѣнья къ поколѣнью, до нашихъ дней сохранились эти «преданія старины глубокой».

А монастырскій колоколъ продолжалъ гудѣть, и звукъ его сливался съ воемъ вѣтра. Поднялся снѣжный вихрь, послышался грозный шумъ сталкивающихся льдинъ, море бурлило по-осеннему.

Замирало сердце у ненокшанокъ: а ну, какъ буря застигнетъ на морѣ мужа, или брата; ну, какъ противный вѣтеръ отнесетъ его далеко, далеко отъ родного берега?! Вотъ эдакъ же, прошлой осенью, десять человѣкъ не вернулись... подулъ такой же противный вѣтеръ, да четверо сутокъ такъ и дулъ, не переставая. Ждали ихъ, ждали, такъ и не дождались... Видно, «во тяжкихъ грѣхахъ безъ покаянья, они приняли смерть напрасную; тѣлеса у нихъ пошли безъ погребенья, не отданы матушкѣ сырой землѣ»...

Побережье наполнялось народомъ, ненокшане со страхомъ прислушивались къ бурному плеску волнъ, къ рѣзкимъ порывамъ вихря. Женщины охали, старики покачивали головами...

— Не будетъ, братцы, бури, не будетъ, — раздался тихій старческій голосъ. Это говорилъ, кутаясь въ дырявый кафтанишко, древній старичекъ: ужъ восьмой десятокъ доживаетъ онъ на морскомъ побережьѣ, знаетъ море, какъ свои пять пальцевъ.

— Гляди, и вѣтеръ перемѣнится, — шепчетъ его беззубый ротъ.

— Дай Богъ, дай Богъ! — послышались голоса.

Вѣрятъ ненокшане старому дѣду: ни разу еще не обманулъ онъ ихъ.

— А это что, вонъ тамъ, далеко, чернѣется на водѣ?

Всѣ головы повернулись по указанному направленію. Въ самомъ дѣлѣ, вдали виднѣлась какая-то черная точка, подбрасываемая волнами: вотъ она приближается. Крики радости раздались на берегу: это кто-нибудь изъ ненокшанъ возвращается домой съ рыбной ловли. Слава Богу, и вѣтеръ подулъ съ сѣвера: то-то радости будетъ въ посадѣ; про всѣхъ разскажутъ вернувшіеся, ненокшанки такъ и рвутся впередъ... Только что-же это? Лодка-то словно бы велика...

— Нѣтъ, не наши это, — раздались голоса, полные разочарованія. Хорошо знаютъ ненокшане свои ладьи, издалека могутъ узнать ихъ. Нѣтъ, это не мужья, не братья возвращаются домой, — это какая-то громадная невиданная ладья съ бѣлыми парусами. Такихъ они еще не видывали. Разочарованье смѣнилось любопытствомъ. Что-то будетъ, куда пристанетъ ладья? А громадная ладья съ бѣлыми парусами и высокими мачтами медленно приближалась къ берегу... послышались голоса съ ладьи... вотъ они уже раздаются громко, явственно... но нельзя понять, что говорятъ, о чемъ просятъ эти голоса. Никогда еще ненокшанамъ не приходилось слышать такую рѣчь... А люди? теперь ужъ ихъ можно разсмотрѣть...

— Да это нѣмцы, — догадался кто-то изъ стариковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это были чужеземцы. Съ трудомъ причалилъ ихъ корабль къ Ненокской пристани, пріѣхавшіе сошли на берегъ... Ненокшане не знали, что дѣлать со своими нежданными гостями: не то со страхомъ, не то съ любопытствомъ глядѣли они на невиданныхъ людей, разсматривали ихъ продолговатыя лица съ коротко

подстриженными бородками, ихъ короткія одежды, широкія шляпы съ перьями... прислушивались къ ихъ непонятному говору... А нежданные гости словно радовались, что покинули, наконецъ, свой корабль: лица ихъ такъ и сіяли довольствомъ. Одинъ изъ нихъ, высокій, одѣтый лучше другихъ, отдавалъ какія-то приказанія, другіе немедленно исполняли ихъ: бѣгали на корабль, таскали оттуда какіе-то тюки. Видно, гости рѣшили остаться здѣсь надолго.

Между тѣмъ вѣсть о прибытіи ихъ разнеслась уже по всему посаду: отовсюду сбѣгался на берегъ народъ поглядѣть на нихъ. Кто они? Откуда прибыли? Зачѣмъ? Какъ бы люди не различались между собой внѣшнимъ видомъ, языкомъ, понятіями, вѣрованіями,— они всегда сумѣютъ понять другъ друга, когда это нужно. Не прошло и получаса съ той минуты, какъ ненокшане, къ великому своему изумленію, увидѣли у своей пристани иноземный корабль,— а они уже знали, чей это былъ корабль, и что за люди пристали къ ихъ берегу! Долго въ этотъ вечеръ народъ толпился у большого деревяннаго дома, въ которомъ жилъ завѣдующій соляными варницами, служитель Никольскаго монастыря: къ нему-то и привезли начальника иноземнаго корабля. Долго въ эту ночь не спали ненокшане, передавая другъ другу свои наблюденія надъ неожиданными гостями и обсуждая цѣль ихъ прибытія. Служитель Никольскаго монастыря былъ человѣкъ бывалый: отъ него и узнали въ посадѣ, что вновь прибывшіе люди долго ѣздили по морю, прежде чѣмъ пристали къ ихъ берегу, что прибыли они изъ далекой страны, которая лежитъ на юго-западѣ отъ нихъ и называется Англіей; а выѣхало ихъ изъ Англіи три

корабля, но два изъ нихъ были отбиты бурею и теперь находятся невѣдомо гдѣ. Узнали ненокшане, что начальника зовутъ Ричардъ Ченслеръ... не давалась ненокшанамъ это мудреное имя: въ своихъ разговорахъ они передѣлали его по-своему и называли «Рыцарь Лыцертъ»*).

Да, это былъ Ричардъ Ченслеръ. Судьба была благосклоннѣе къ нему, чѣмъ къ Гуго Уильби. Море пощадило его. Послѣ четырехмѣсячнаго плаванія, попутный вѣтеръ привелъ его корабль въ какую-то невѣдомую страну...

Думалъ ли онъ, отплывая въ ясный майскій день отъ англійскаго берега, что судьбѣ угодно будетъ занести его на суровые, непривѣтливые берега Бѣлаго моря? Предполагалъ ли онъ тогда, что, вмѣсто пути въ сказочно богатый Китай и Индію, онъ откроетъ путь въ Московію?

Кто знаетъ, можетъ быть, онъ найдетъ здѣсь радушный пріемъ, можетъ быть, удастся ему завести сношенія съ этимъ обширнымъ царствомъ? Можетъ быть, судьба не даромъ закинула его сюда?... Такія надежды волновали Ричарда Ченслера подъ гостепріимнымъ кровомъ монастырскаго служителя въ то время, какъ ненокшане на всѣ лады обсуждали каждое движеніе, каждый взглядъ, каждую мелочь одежды «лыцаря Лыцерта» и его товарищей.

---

*) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос.

ГЛАВА III.

«Лихіе витязи-купцы
Вселяли миръ, внушали страхъ,
Держа вѣсы, держа и мечъ,
Въ привычныхъ къ дѣйствію рукахъ».

Зима 1554 года*) выдалась ранняя, холодная. Стоялъ конецъ ноября, а жестокіе морозы давно уже сковали Сѣверную Двину и ея притоки. Сѣверная природа надолго заснула глубокимъ сномъ. Короткіе дни смѣнялись безконечно длинными ночами. На темномъ небѣ рано загорались звѣзды, выплывала луна. Какія странныя, фантастическія тѣни бросали тогда на снѣжныя поляны вѣковыя сосны и ели, стоявшія у опушки дремучихъ сѣверныхъ лѣсовъ. Какими разноцвѣтными огнями искрились и переливались при таинственномъ мерцаніи луннаго свѣта снѣжныя равнины. Темными пятнами казались среди ослѣпительной бѣлизны снѣга разбросанныя тамъ и сямъ небольшіе селенія и посады. Среди послѣднихъ по своей величинѣ и по своему торговому значенію выдѣлялся въ XVI вѣкѣ посадъ Холмогоры, что пріютился на лѣвомъ берегу Сѣверной Двины, недалеко отъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее притокъ Пинега. Сто двѣнадцать верстъ отдѣляютъ его отъ Бѣлаго моря. Пустынно, мертво было вокругъ посада. Кто построилъ первое жилище въ этомъ глухомъ краю, кто положилъ начало городу, названному Холмогорами? Вѣроятно, все та же чудь «бѣлоглазая», исконная обитательница сѣвернаго края. На это указываютъ и названія отдѣльныхъ

---

*) До Петра Великаго Новый годъ начинался съ 1-го сентября.

частей Холмогоръ: Качково, Курцево, Подракурье, — названія не славянскаго происхожденія. Когда то это были маленькія деревеньки. Древніе старики указывали и то мѣсто въ Холмогорахъ, гдѣ стоялъ прежде истуканъ чудскаго бога — Йомалы. Преданіе сохранило описаніе этого языческаго бога: построенный, будто бы, изъ самаго лучшаго дерева, истуканъ былъ украшенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, которые своимъ свѣтомъ озаряли всѣ окрестности. На головѣ Йомалы блистала золотая корона съ двѣнадцатью рѣдкостными камнями. Его грудь украшало драгоцѣнное ожерелье. На колѣняхъ его стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами; она была, говорило преданье, такой величины, что четыре человѣка могли напиться изъ нея до сыта.

Но и здѣсь разразилась надъ чудью гроза. Все тѣ же сыны великаго Новгорода нахлынули сюда въ княженіе Владиміра или Ярослава. Въ концѣ XI вѣка, языческая чудь была уже обращена въ христіанство, золотой истуканъ былъ разбитъ, — его смѣнила маленькая деревянная церковь. Что же влекло вольныхъ сыновъ богатаго города въ этотъ уголокъ сѣвернаго края? Жажда наживы и предпріимчивый торговый духъ, отличавшій въ древности новгородцевъ. Положеніе деревень Курцева, Качкова и Подракурья было очень выгодно для торговли: Сѣверная Двина протекала здѣсь широкими и глубокими рукавами, такъ что сюда свободно могли приплывать большія рѣчныя суда и морскія ладьи съ товарами. По сосѣдству съ деревнями сливалась съ Сѣверной Двиной рѣка Пинега, протекавшая черезъ мѣста, богатыя лѣсной птицей и пушнымъ звѣремъ. Предпріимчивые нов-

городцы не ошиблись въ своихъ разсчетахъ: они удачно выбрали мѣсто для своихъ торговыхъ цѣлей: сюда изъ странъ, орошаемыхъ рѣками Мезенью и Печорой, привозились по рѣкѣ Пинегѣ дорогіе звѣриные мѣха, съ Бѣлаго моря и Мурманскаго берега приходили огромные досчаники, нагруженные соленой рыбой, изъ Неноксы доставляли соль. Эти товары скупали новгородскіе купцы и отправляли на свою родину, — въ Новгородъ-Великій, а оттуда все шло въ руки Ганзейскихъ купцовъ, въ заморскія страны. Стали пріѣзжать сюда за товарами купцы изъ Устюга, изъ Вологды и изъ другихъ городовъ московскаго царства. Прибывали въ деревни новые жители, строились новые дома, возникали новыя слободы, — Глинская, Никольская, Ивановская. Мало-по-малу деревни и слободы пришли въ близкое сосѣдство между собою, слились въ одинъ большой посадъ и получили одно общее названіе «Холмогоры». Въ началѣ XV вѣка Новгородская лѣтопись называетъ Холмогоры городомъ, но этотъ городъ, подобно большинству русскихъ городовъ того времени, мало чѣмъ отличался отъ большого села. Въ XVI вѣкѣ въ Холмогорахъ не было еще ни одной каменной церкви. Построенные въ XI—XII вѣкахъ, деревянные, потемнѣвшіе отъ времени, храмы Божьи съ невысокими деревянными же колокольнями мало выдѣлялись среди прочихъ строеній города.

Темной каймой тянулись по окраинѣ Холмогоръ большіе четыреугольные амбары, подлѣ которыхъ стояли небольшія, жилыя избы съ задернутыми бычачьимъ пузыремъ оконцами. Это монастырскій посадъ, здѣсь жили приказщики-монахи, завѣдующіе торговлей соли, которая хранилась въ большихъ амбарахъ... Ближе къ центру

города стоялъ рядъ избъ, съ пристроенными къ нимъ кладовыми — это помѣщенія вологодскихъ и устюжскихъ купцовъ, которые пріѣзжали сюда за товарами и жили здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ. Отъ нихъ недалеко торговая площадь съ нѣсколькими рядами длинныхъ лавокъ. Здѣсь производился обмѣнъ привозныхъ товаровъ, шла бойкая торговля. Въ самомъ центрѣ города, возлѣ церкви св. Іакова, были самыя лучшія строенія. Здѣсь жилъ намѣстникъ московскаго царя, главный начальникъ Двинскаго края — Семенъ Ивановичъ Микулинскій-Апулковъ. Согласно предписанію царской грамоты, домъ намѣстника построенъ былъ народнымъ иждивеніемъ. Это самое лучшее строеніе въ городѣ, состоящее изъ трехъ избъ, раздѣленныхъ теплыми сѣнями. Къ избамъ примыкалъ огромный дворъ, гдѣ помѣщались необходимыя принадлежности каждаго зажиточнаго дома, — поварня, конюшня, баня, сарай, двѣ сѣнницы и пр. Не любили холмогорцы Семена Ивановича: ужъ больно много притѣсненій отъ него было; правды, суда нельзя было найти: тотъ и правъ, кто взятку больше дастъ. Свободно вздохнули всѣ, когда, мѣсяца два тому назадъ, Семенъ Ивановичъ отправился въ Москву отвозить оброкъ съ города. Сказывали злые языки, что этотъ оброкъ былъ вдвое меньше того оброка, который намѣстникъ «взялъ на себя»*).

Рядомъ съ домомъ намѣстника стоялъ домъ его помощника тіуна, также построенный народнымъ иждивеніемъ; только размѣромъ онъ былъ меньше: состоялъ изъ двухъ, а не изъ трехъ избъ, и дворъ былъ не та-

*) Двинская лѣтопись.

кой большой. Дальше отъ центра тянулся цѣлый рядъ маленькихъ курныхъ избъ съ крышами, крытыми древесной корой. Ближе къ Курцевскому посаду, гдѣ стояла церковь Преображенія Господня, постройки опять пошли лучше. Большія избы, крытыя тесомъ съ обширными дворами, немногимъ развѣ уступали дому намѣстника. Это были дома новгородскихъ купцовъ, которые въ разное время переселились сюда на житье, привлекаемые торговыми выгодами. При каждомъ домѣ были огромные амбары, куда складывались товары. Одинъ изъ этихъ домовъ отличался тѣмъ затѣйливымъ убранствомъ, которое такъ любили въ то время богатые русскіе люди. Вычурная рѣзьба украшала крыльцо и ставни оконъ, надъ крышей поднималась вышка, обнесенная перильцами самой причудливой формы.

Было еще недалеко за полдень, а солнце давно уже скрылось за горизонтомъ, и небесный сводъ загорѣлся многочисленными огоньками. Но и въ полумракѣ, при слабомъ мерцаніи звѣздъ, затѣйливо убранный домъ выдѣлялся среди сосѣднихъ зданій свѣжестью, очевидно, недавно срубленнаго дерева; стѣны были совсѣмъ новенькія, чистенькія; пестрыя краски на фигурныхъ столбикахъ крыльца еще не успѣли потемнѣть. Что мудренаго! Хоромы отстроены всего только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, только что переселился въ нихъ, недавно переѣхавшій на житье въ Холмогоры, богатый новгородскій гость Семенъ Осиповичъ Баженинъ. Большое дѣло завелъ вновь прибывшій купецъ; скупалъ рыбу, что привозили поморяне съ Бѣлаго моря большими партіями, а на мѣха, что шли изъ Мезенскаго края, даже цѣну набавилъ: большой спросъ былъ на нихъ въ Новго-

родѣ, куда онъ отправлялъ товары. Зато, не въ примѣръ прочимъ, сразу выдвинулся купецъ Баженинъ: всѣ торговцы гурьбой валили къ нему, ото всѣхъ ему былъ почетъ и уваженіе, на торгахъ только его и ждали.

Въ этотъ послѣобѣденный часъ, въ домѣ его, какъ и въ сосѣднихъ было темно. Слюдяныя оконца мрачно глядѣли на пустынную улицу. По заведенному на Руси обычаю, жители города мирно отдыхали послѣ обѣда. А морозъ все крѣпчалъ. Привыкли сѣверяне къ жестокимъ холодамъ, а такихъ еще не запомнятъ: суровая надвигалась зима. Но вотъ кое-гдѣ въ домахъ зажгли огонь, въ курныхъ избахъ засвѣтились лучины, и въ домѣ Баженина показался свѣтъ, задвигались какія-то тѣни, чья-то закутанная фигура вышла изъ дому на улицу и плотно затворила ставни.

Семенъ Осиповичъ только что проснулся. Онъ приподнялся съ лавки, на которой спалъ, зажегъ восковую свѣчку, стоявшую на столѣ въ проволочномъ подсвѣчникѣ, два раза прошелся по горницѣ и снова сѣлъ на лавку. На видъ ему было лѣтъ около сорока. Его благообразное лицо казалось круглымъ отъ густой черной бороды; въ волосахъ, расчесанныхъ на прямой рядъ, серебрилась сѣдина; густыя черныя брови срослись надъ переносицей; каріе глаза смотрѣли смѣло и повелительно. Глядя на него, всякій сказалъ бы, что этотъ человѣкъ привыкъ, чтобъ ему повиновались, и плохо будетъ тому, кто осмѣлится ему перечить.

Семенъ Осиповичъ разсѣяннымъ взглядомъ окинулъ горницу, по стѣнамъ которой стояли длинныя дубовыя лавки, покрытыя синимъ сукномъ съ золотымъ позументомъ. Въ переднемъ углу, передъ образами въ бо-

гатыхъ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, чуть теплилась лампада. Въ горницѣ было жарко: отъ большой изразцовой печки, расписанной самыми пестрыми цвѣтами, такъ и палило. Но хозяинъ, видно, привыкъ къ жарѣ; онъ снялъ съ вѣшалки зеленый кафтанъ со сборчатыми рукавами и мелкими серебряными пуговицами и, одѣвъ его поверхъ короткаго полукафтанья, опоясался краснымъ шерстянымъ кушакомъ. Затѣмъ, подойдя къ образамъ, онъ прошепталъ молитву, трижды перекрестился и снова усѣлся передъ большимъ дубовымъ столомъ.

Теперь на лицѣ Семена Осиповича выразилось ожиданіе: онъ нетерпѣливо поглядѣлъ на дверь и сурово нахмурилъ брови: должно-быть, не привыкъ дожидаться именитый новгородскій гость.

Въ сѣняхъ послышался шумъ. Хозяинъ поднялся съ мѣста и пошелъ къ двери, которая въ эту минуту отворилась, и на порогѣ ея показался невысокій тучный старикъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ длинной сѣдой бородой, закутанный въ широкую мѣховую шубу съ собольимъ воротникомъ. Въ рукахъ онъ держалъ высокую бобровую шапку. Это былъ выборный холмогорскій голова, Филиппъ Родіоновичъ, замѣнявшій въ городѣ отсутствующаго Микулинскаго.

— Ну, и теплынь же у тебя хозяинъ, а на дворѣ-то что дѣлается... — проговорилъ гость, снимая шубу и оправляя кафтанъ. Перекрестившись на образа, онъ поклонился хозяину.

— Что-жъ запоздалъ, Филиппъ Родіонычъ?

Гость усмѣхнулся. Его маленькіе подслѣповатые глазки лукаво прищурились.

— Что запоздалъ? Да все съ нимъ, съ Лыцертомъ-то съ этимъ спорилъ...

— Ну, что жъ новаго? — проговорилъ Семенъ Осиповичъ, замѣтно оживляясь. — Да ты усаживайся, Филиппъ Родіонычъ, закусимъ чѣмъ Богъ послалъ...

Въ эту минуту въ горницу входилъ слуга, неся въ рукахъ огромный подносъ съ закусками и настойками. Уставивъ все на столѣ, онъ съ поклономъ удалился, и хозяинъ съ гостемъ снова остались одни.

Гость не спѣшилъ отвѣтомъ. Онъ неторопливо усѣлся за столъ, погладилъ свою длинную бороду и, наконецъ, медленно, какъ будто нехотя, проговорилъ:

— Да что новаго. На Москву завтра ѣдетъ...

Отъ гостя не укрылось впечатлѣніе, какое произвели на хозяина его слова. Хорошо понималъ Филиппъ Родіоновичъ, что затѣмъ-то и звалъ его къ себѣ богатый купецъ, чтобы вывѣдать отъ него все, что касалось «рыцаря Лыцерта», который нежданно-негадано два мѣсяца тому назадъ прибылъ въ Холмогоры вмѣстѣ съ запасами Ненокской соли.

— На Москву ѣдетъ, говоришь ты: какъ же такъ, безъ царскаго указа?..

— Что станешь съ нимъ дѣлать? Не хочетъ больше дожидаться: говоритъ, — и такъ два мѣсяца ужъ ждалъ. Теперь и удерживать больше нечѣмъ, то хоть на путь все ссылались, дескать, проѣзду нѣтъ, а теперь, гляди, какіе морозы: поѣзжай, куда хочешь: всѣ рѣки, болота замерзли, дорога гладкая. Есть, говоритъ, у меня дѣло до вашего царя: меня, говоритъ, къ вашему царю самъ король нашъ послалъ.

— Та-акъ! — протянулъ хозяинъ и, чокнувшись съ гостемъ, выпилъ стаканъ крѣпкой настойки.

Сильно занимали Семена Осиповича недавно прибывшіе въ Холмогоры англичане: лордъ Ченслеръ и его товарищи, да не одного Семена Осиповича, а и всѣхъ двинскихъ купцовъ и промышленниковъ. Зачѣмъ они явились сюда, какое у нихъ дѣло до московскаго царя?

И вспомнилось Баженину, какъ въ холодный сентябрьскій день тотъ же Филиппъ Родіоновичъ, въ качествѣ замѣстителя намѣстника, встрѣчалъ на пристани неожиданныхъ гостей. Что народу тогда высыпало на берегъ! Всѣмъ любопытно было взглянуть на нихъ. А нежданные гости, покидая ладьи, на которыхъ ихъ привезли служители Никольскаго монастыря, и дрожа отъ холода въ своихъ короткихъ одеждахъ, говорили привѣтствія на своемъ непонятномъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ прошло больше двухъ мѣсяцевъ, обжились иноземные гости, попривыкли: помѣщенье имъ отвели въ домѣ головы; научились они мало-по-малу понимать русскую рѣчь. Дивился на нихъ народъ, когда они по улицамъ разгуливали, а тутъ и раздумье всѣхъ взяло, какъ они входить во все начали, пуще всего по части товаровъ всякихъ любопытны были. Пріѣдутъ ли купцы съ мѣхами, привезутъ ли досчаники рыбу съ Мурмана, пришлютъ ли пеньку вологодскіе купцы, — они тутъ, какъ тутъ: смотрятъ товары, цѣны спрашиваютъ, деньгамъ нашимъ счетъ узнали: какой вѣсъ, какая мѣра у насъ, до всего дошли. И зачѣмъ это имъ понадобилось въ Москву ѣхать: ужъ не хотятъ ли торговлю затѣвать съ московскимъ царемъ, не даромъ ко всему приглядываются? Тоже хитрый народъ эти иноземцы, довольно наглядѣлся

онъ, Семенъ Осиповичъ, на нихъ въ Новгородѣ; англичанъ, правда, не видалъ, а нѣмцевъ этихъ хорошо знаетъ: своихъ выгодъ не упустятъ, съ ними ухо востро держи. Ужъ на что хитеръ Филиппъ Родіонычъ, а вотъ не вызналъ, зачѣмъ въ Москву ѣдутъ... или скрываетъ, можетъ...

Семенъ Осиповичъ налилъ еще стаканъ вина и, взявъ въ руку одинъ изъ нихъ, шутливо проговорилъ:

— Что жъ, выпьемъ за здоровье отъѣзжающихъ: можетъ, еще доведется увидать ихъ здѣсь.

Онъ пристально взглянулъ на гостя, но тотъ, сощуривъ лукавые глазки, такъ же шутливо сказалъ:

— Кто же ихъ знаетъ, хозяинъ: мое дѣло проводить ихъ, а тамъ, что Богъ дастъ.

— Только какъ же это безъ царскаго указу-то? Словно бы оно и не ладно, подождать бы... — замѣтилъ Семенъ Осиповичъ.

— Что ты будешь съ нимъ дѣлать, и я говорилъ это: еще двухъ мѣсяцевъ не прошло съ той поры, какъ отправили въ Москву посланца съ вѣстью объ ихъ пріѣздѣ. Государство, говорю, у насъ большое, не скоро тоже до Москвы доѣдешь, да назадъ оборотишься. Ужъ много ждали: теперь, говорю, не долго осталось; можетъ, государь-то и напишетъ, куда васъ опредѣлить...

— Ну, что жъ онъ? — спросилъ Семенъ Осиповичъ.

— Куда тутъ, и слушать не хочетъ: коли, говоритъ, не выпустите добромъ, уѣду назадъ, въ Англію. И уѣдетъ, святъ Богъ, уѣдетъ: такой человѣкъ, ужъ это видно по всему. А какой намъ тогда отвѣтъ-то держать передъ царемъ, коли грамота придетъ, да потребуютъ его къ царской милости, а его не будетъ? Куда, молъ, дѣлся чужеземный гость, зачѣмъ отпустили назадъ безъ

арскаго указу? Самъ знаешь, у насъ насчетъ чужеземцевъ строго. Нѣтъ, ужъ пускай ѣдетъ...

Хозяинъ и гость еще разъ выпили. Разговоръ продолжался все о томъ-же: говорили объ англичанахъ, судили, рядили ихъ поступки, ихъ обычаи, дѣлали разныя предположенія относительно поѣздки ихъ въ Москву. въ предпріимчивой головѣ Семена Осиповича возникали невозможные планы: онъ думалъ о томъ, какъ бы хорошо было, въ случаѣ, еслибъ завязались торговыя сношенія между московскимъ государствомъ и англичанами, какъ бы хорошо было, если бы имъ, двинскимъ купцамъ, удалось стать посредниками въ этой торговлѣ. Ему рисовались уже тѣ выгоды, которыя получатъ они, если станутъ скупать на ярмаркахъ товары, нужные англичанамъ, и съ барышемъ перепродавать ихъ... Филиппъ Родіоновичъ говорилъ мало, и по его обрюзгшему лицу съ бѣгающими по сторонамъ глазками трудно было догадаться,— сочувствуетъ ли онъ планамъ гостепріимнаго хозяина? А хозяинъ среди разговора нѣтъ, нѣтъ, да взглянетъ на него испытующимъ пристальнымъ взглядомъ, словно дожидается, не разскажетъ ли онъ о намѣреніяхъ англичанъ: вѣдь, каждый день видится съ ними, могъ бы выпытать, какую такую грамоту англійскій король посылаетъ московскому царю?

Но Филиппу Родіоновичу рѣшительно нечего было сказать, онъ ничего не зналъ о планахъ англичанъ, и самъ лордъ Ченслеръ не могъ бы сказать объ нихъ ничего опредѣленнаго. Вмѣсто роскошной жаркой Индіи, покинутый судьбой въ холодное Московское царство, онъ хотѣлъ видѣть повелителя этого царства, чтобы поручить себя его покровительству. Ознакомившись за эти

два мѣсяца съ новой страной, онъ увидѣлъ, что она очень богата тѣми естественными произведеніями, въ которыхъ нуждалась Англія. Зачѣмъ ѣхать въ далекую Индію, не попытать ли сперва здѣсь счастья? Можетъ-быть, удастся завести торговыя сношенія съ этимъ краемъ, — тогда и Англія найдетъ здѣсь сбытъ своимъ товарамъ.

Съ такими мыслями на другой день выѣзжалъ изъ Холмогоръ лордъ Ченслеръ съ своей свитой. Толпы холмогорскихъ обывателей, съ Филиппомъ Родіоновымъ во главѣ, провожали иноземныхъ гостей, которые въ русскихъ саняхъ, закутавшись въ теплыя русскія шубы, ѣхали къ московскому царю.

ГЛАВА IV.

„Когда возсіяло на небѣ красное солнышко,
Когда становилася звѣзда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ“.

Морозный декабрьскій день. Ослѣпительно сверкаютъ на солнцѣ золотыя маковки московскихъ церквей. Искрится переливается разными цвѣтами бѣлый снѣгъ, покрывающій деревянныя строенія столицы московскаго царства. Городъ имѣетъ праздничный видъ. На улицахъ толпы народа, ближе къ кремлю рядами выстроилось войско. На заборахъ, на колокольняхъ, даже на обнаженныхъ деревьяхъ боярскихъ и купеческихъ садовъ сидятъ закутанныя фигуры людей: они стучатъ ногами по забору, хлопаютъ рукавицами. Видно любопытное готовится зрѣлище, если въ такой трескучій морозъ заставило ихъ покинуть свои жилища. Не мало тутъ

голытьбы разной, у которой нѣтъ никакого жилья, да одежда такъ поистрепалась, что иному въ лѣтній день, ожалуй, показалось бы въ ней холодно; но не узнаешь еперь эту голытьбу: и теплые валенки, и шубы еще чера многимъ были розданы изъ казны на нынѣшній ень, а тѣхъ, кому не досталось, пристава, размѣщавіе народъ, безцеремонно гонятъ съ улицы и приказыаютъ стаскивать съ забора или съ крыши. Нельзя же ъ самомъ дѣлѣ показывать чужеземнымъ гостямъ ни ихъ да оборванцевъ: вѣдь эдакъ, пожалуй, про моковскаго царя въ чужихъ земляхъ дурная слава пойетъ: скажутъ бѣдность большая въ его царствѣ. А это ости новые, въ первый разъ изъ англійской земли пріхали послы къ московскому царю: нельзя лицомъ ь грязь ударить.

А народъ все прибываетъ. Пристава изъ силъ выбиись, стараясь оставить больше мѣста для проѣзда. ъ воздухѣ стоитъ гулъ отъ безчисленныхъ голосовъ; ь заднихъ рядахъ, подальше отъ приставовъ, слышатся анныя слова; кто посильнѣе, тотъ, расталкивая друихъ, старается протиснуться поближе.

— Ѣдутъ, ѣдутъ,—вдругъ раздалось въ первыхъ ряхъ, и все смолкло, всѣ головы повернулись по одному правленію. Вотъ оно такъ долго ожидаемое, зрѣлище: тъ они англійскіе гости. Толпа пропускаетъ воиновъ, о ѣдутъ впереди, разсѣянно смотритъ на московскихъ язей и бояръ, которые, въ своихъ непомѣрно высоихъ шапкахъ, важно сидятъ въ саняхъ, запряженныхъ тверками лошадей въ золоченой сбруѣ съ серебряими цѣпочками и бубенчиками. Вонъ князь Одоевскій, нъ Шереметевъ... знаютъ всѣхъ москвитяне: не разъ

видали... Шествіе подвигается медленно... вотъ они наконецъ, англичане...

Толпа разочарована въ первую минуту. Въ шубахъ сшитыхъ уже въ Московіи и по московскому покрою англичане немногимъ отличались отъ московскихъ бояръ Длинные мѣховые одежды скрывали ихъ иноземное платье а теплые мѣховые шапки и широкіе мѣховые воротник съ трудомъ позволяли разглядѣть ихъ лица.

Лордъ Ченслеръ ѣдетъ съ княземъ Воротынскимъ. Он съ любопытствомъ смотритъ по сторонамъ на эту тепл одѣтую праздничную толпу, но его не обманываетъ е ликующій, нарядный видъ. Недаромъ же проѣхалъ он больше тысячи верстъ отъ Холмогоръ до Москвы, оста навливаясь на ночлегъ въ селеніяхъ и городахъ. Как ни старательно скрывали его провожатые темныя сто роны своей жизни, а много кое-чего запримѣтилъ ег зоркій, наблюдательный глазъ. Видѣлъ онъ, какъ богат московская земля природными дарами: видѣлъ на ярмар кахъ, на торжищахъ, сколько хлѣба родятъ ея поля сколько рыбы всякой водится въ ея рѣкахъ, сколь звѣря пушнаго въ лѣсахъ; да только не умѣетъ пол зоваться московскій народъ своими богатствами, — эт по всему видно: десятки, сотни верстъ приходится ѣхат не встрѣтивъ на пути жилья человѣческаго: по бер гамъ судоходныхъ рѣкъ только кое-гдѣ разбросаны н большіе поселки, города похожи на деревни, маленьк лачужки грязны, дома зажиточныхъ людей немногим лучше, народъ бѣденъ, невѣжествененъ. И тогда же, д рогой, онъ думалъ о томъ, какъ бы хорошо было п лучить отъ московскаго царя согласіе на торговл съ этимъ богатымъ краемъ.

Англійскіе купцы, люди знающіе, опытные, они умѣло ›ведутъ свои дѣла, они сумѣютъ воспользоваться при-›дными богатствами московской земли къ выгодѣ Англіи.

Пріѣздъ въ Москву нѣсколько разочаровалъ лорда енслера: двѣнадцать дней жилъ онъ въ посольскомъ ›мѣ, знакомился съ московскими боярами, съ москов-›кими обычаями, поражался обилію кушаньевъ и напит-›въ, которые присылались ему изъ царской кухни, далъ пословъ отъ царя, а послы все не шли; москов-›кій царь, какъ видно, не выказывалъ большого желанія ›скорѣй познакомиться съ англійскими гостями: лордъ енслеръ еще не былъ знакомъ съ русской медлитель-›стью. Скучая бездѣйствіемъ, онъ нерѣдко вспоминалъ товарищѣ своемъ, сэрѣ Уильби, котораго напрасно ›рождалъ у мыса Вардэгуса. Гдѣ то онъ теперь? Быть-›жетъ, онъ оказался счастливѣе, и роскошная, ска-›чно богатая Индія гостепріимнѣе приняла его? Такъ умалъ онъ въ грустныя минуты, въ ожиданіи царскаго ›иглашенія, почти уже не вѣря въ благополучный исходъ ›оей поѣздки. Но разочарованіе снова смѣнилось на-›ждой, когда вчера въ посольскій домъ прибылъ цар-›кій посолъ съ приглашеніемъ явиться на другой день › дворецъ съ грамотою отъ англійскаго короля. Лордъ енслеръ былъ несказанно радъ этому приглашенію. роѣзжая по запруженнымъ народомъ московскимъ ули-›амъ, онъ думалъ о томъ, какъ отнесется къ его пла-›амъ московскій царь, удастся ли ему, лорду Ченслеру, ›равдать довѣріе своего короля? Чѣмъ дальше, тѣмъ ›уднѣе было ѣхать: сплошной стѣной надвигался › обѣихъ сторонъ народъ, кричалъ что-то... Вотъ пока-›лась бѣлая каменная стѣна съ четыреугольными ба-

шенками, засверкали своими золотыми крестами каменныя церкви.

— Это Кремль! — сказалъ князь Воротынскій.

Вотъ и дворцовое крыльцо. Бояре выходятъ изъ саней, просятъ его послѣдовать ихъ примѣру и пѣшкомъ пройти къ дворцу. Словно въ святилище какое, вступали подданные московскаго царя во дворецъ своего повелителя: такъ торжественны были ихъ тучныя фигуры, такое благоговѣніе было разлито на ихъ лицахъ, до половины закрытыхъ густыми длинными бородами. Гостя повели по устланной коврами лѣстницѣ; по сторонамъ лѣстницы и наверху ея стояли бояре въ богатыхъ, блестящихъ одеждахъ. Вотъ и дворцовыя палаты. Цѣлый рядъ покоевъ проходитъ иноземный гость: всюду блескъ и золото, дорогія парчевыя ткани покрываютъ стѣны палатъ, прекрасные персидскіе ковры устилаютъ полы... По сторонамъ знатные сановники безмолвно стоятъ въ своихъ длинныхъ одеждахъ, залитыхъ блескомъ драгоцѣнныхъ камней. Все было необычайно торжественно: и этотъ длинный рядъ роскошныхъ покоевъ, и великолѣпіе боярскихъ одеждъ, и безмолвная тишина, царившая кругомъ. «Великій государь, лордъ Ченслеръ, посолъ англійскій, бьетъ тебѣ челомъ», — раздался среди тишины громкій голосъ.

Въ эту минуту лордъ Ченслеръ входитъ въ Грановитую палату. Прямо передъ нимъ у стѣны, сверкавшей позолотой и живописью, на высокомъ золотомъ креслѣ, въ длинной златотканной одеждѣ, усыпанной драгоцѣнными каменьями, сидѣлъ совсѣмъ еще юноша съ прекраснымъ выразительнымъ лицомъ. На головѣ его была надѣта шапка Мономаха, съ изумрудами и яхонтами

необычайной величины. На груди красовалась золотая цѣпь съ большимъ крестомъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ скипетръ, — лѣвая опиралась на ручку трона. Это былъ царь московской земли — Иванъ Васильевичъ IV. Его окружала блестящая свита царедворцевъ. Знатные сановники, бородатые, сѣдовласые князья и бояре едва смѣливались взглянуть на своего юнаго повелителя. Казалось, по первому его слову, они готовы были броситься въ огонь и въ воду. Невольный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ англійскаго гостя. Опытному мореплавателю, легко справлявшемуся съ грозными стихіями сѣвернаго моря, какъ-то жутко стало среди этой торжественной обстановки, окружающей особу царя Московіи. Онъ опустился передъ нимъ на одно колѣно. Юноша-царь жестомъ, полнымъ величія, протянулъ ему свою руку. Англійскій посолъ прикоснулся къ рукѣ и вручилъ ему королевскую грамоту. Тѣмъ же величественнымъ движеніемъ руки, царь приказалъ ее принять стоявшему рядомъ съ нимъ дьяку и обратился къ послу съ такими словами.

— Здоровъ ли братъ нашъ Эдуардъ, превысокій король англійскій?

Каріе глаза юнаго царя ласково глядѣли на энергичное немолодое лицо чужеземнаго гостя; въ голосѣ его звучала привѣтливость, а также и сознаніе своего превосходства надъ окружающими.

Лордъ Ченслеръ пріѣхалъ въ Московію въ лучшіе годы царствованія Ивана Грознаго. Жестокія пытки бояръ и грозная опричина еще не успѣли омрачить его. Юный царь горѣлъ любовью къ народу, искреннимъ желаніемъ принести ему пользу, искоренить въ своемъ царствѣ зло

и неправду. Онъ еще чутко прислушивался къ совѣтамъ лучшихъ людей того времени. Вотъ онъ, его главный совѣтникъ, его любимецъ, Алексѣй Адашевъ: онъ стоитъ по правую руку его. Его умные, зоркіе глаза внимательно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ юнаго царя. Высокій санъ окольничаго и близость къ трону заставляютъ забыть его незнатное происхожденіе. Многимъ изъ окружающихъ памятны были слова, сказанные ему царемъ въ тотъ день, когда онъ приблизилъ его къ себѣ: «Алексѣй, говорилъ тогда царь, въ порывѣ искренняго чувства, взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и взыскалъ тебя выше мѣры для помощи душѣ моей... Поручаю тебя принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и знатныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ. Не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатаго ложными слезами хотящаго быть правымъ: но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія. Избери судей праведныхъ отъ бояръ и вельможъ».

А вотъ и «судьи эти праведные отъ бояръ и вельможъ», избранные Адашевымъ для руководства юнаго царя, — всѣ они здѣсь налицо: — князь Одоевскій, Воротынскій, Курбскій, Серебряный. Это лучшіе, способнѣйшіе люди своего времени. По внушенію этихъ совѣтниковъ, молодой царь задумалъ три года тому назадъ небывалое дотолѣ дѣло: собралъ со всей московской земли избранныхъ людей «земскій соборъ», чтобы обсудить съ ними разныя дѣла. Всѣмъ памятны были по

каянныя слова царя-юноши, съ которыми онъ обратился къ народу, прося у него прощенія за всѣ неправды и обиды, которыя онъ вытерпѣлъ отъ нечестивыхъ лихоимцевъ во дни его малолѣтства. И народъ любилъ своего молодого царя, онъ отдыхалъ въ эти лучшіе годы его царствованія отъ прежнихъ обидъ и притѣсненій.

Завоеваніе Казанскаго царства придало новый блескъ этому царствованію. Годъ тому назадъ, Москва искренно ликовала, торжественно встрѣчая юнаго побѣдителя татаръ, этихъ исконныхъ враговъ русскаго народа. Все улыбалось впереди молодому царю, самые смѣлые планы волновали его въ то время. Лучшіе люди того времени уже хорошо понимали необходимость сближенія съ Западомъ. Они видѣли, какъ во многомъ отстала Русь отъ чужеземныхъ государствъ, понимали, что многому слѣдуетъ поучиться у иноземцевъ. Понималъ и царь, какъ нужны въ Москвѣ и иноземные товары и «хитрые мастера иноземные, которые умѣли хорошіе пушки и пищали лить и хитрыя дѣла съ порохомъ дѣлать». Еще въ годъ своего вѣнчанья на царство, онъ поручилъ нѣмцу Шлитте навербовать въ чужихъ земляхъ на русскую службу этихъ «хитрыхъ мастеровъ». Шлитте подрядилъ 123 человѣка, знающихъ разныя искусства и ремесла, золотихъ, слесарей, рудокоповъ... Да не пустили ихъ тогда до Москвы сосѣди московской земли: ливонцы боялись, какъ бы знанія да искусство не увеличили ея силу.

Сильно обрадовался царь, когда узналъ, что къ берегамъ Бѣлаго моря пристали англійскіе послы съ грамотой отъ своего короля. Сами иноземцы ѣдутъ къ нему, ищутъ его дружбы! Съ нѣмцами, фламандцами, шведами давно уже существовали торговыя сношенія, англичане

же впервые являются въ Московіи. Онъ тутъ же отправилъ въ Холмогоры грамоту выборнымъ головамъ съ приказомъ немедленно снарядить гостей въ Москву. Но грамота пришла въ Холмогоры, когда уже лордъ Ченслеръ былъ въ дорогѣ.

Чужеземный гость здѣсь, наконецъ, въ его палатахъ, передаетъ привѣтствіе отъ своего короля. Радостно бьется сердце царя. Онъ спрашиваетъ посла, хорошо ли онъ доѣхалъ до Москвы, и голосъ его звучитъ еще привѣтливѣе.

Лордъ Ченслеръ, ободренный ласковымъ пріемомъ, внимательнѣе вглядывается въ юнаго царя... Легкая, чуть примѣтная, судорога пробѣгаетъ по временамъ по его красивому, подвижному лицу. Нѣтъ, нѣтъ, да и сдвинутся какъ-то нервно его густыя брови и тѣмъ нарушается очарованіе его привѣтливой улыбки. Въ ласковой рѣчи его вдругъ на мгновенье прозвучитъ какая-то рѣзкая нотка... Это тяжелые годы дѣтства наложили на царя свою неизгладимую печать: годы, полные душевнаго одиночества въ кругу бояръ, на каждомъ шагу оскорблявшихъ его царское достоинство; это были предвѣстники будущей грозы на Московскомъ престолѣ.

— Прошу отвѣдать съ нами нашего хлѣба-соли, — говоритъ, наконецъ, царь и приподнимается съ мѣста.

Въ ту же минуту, къ лорду Ченслеру подошли бояре и повели его въ одинъ изъ богатыхъ покоевъ, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать, когда его позовутъ къ царскому столу.

— Что же пишетъ намъ англійскій король Эдуардъ?— обратился царь къ дьяку, по уходѣ посла.

Дьякъ смущенно вертитъ въ рукахъ грамоту и нерѣшительно смотритъ на царя.

Обыкновенно грамоты не читались сейчасъ же послѣ пріема пословъ.

— Прикажешь читать, государь?

— Читай, — повелительно и уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ въ голосѣ говоритъ царь.

Дьякъ подходитъ къ трону и развертываетъ королевскую грамоту: Эдуардъ VI писалъ на всѣхъ языкахъ ко всѣмъ восточнымъ и сѣвернымъ государямъ, прося у нихъ защиты и покровительства для своихъ пословъ.

«Эдуардъ VI вамъ, цари, князья, властители, судьи земли, во всѣхъ странахъ подъ солнцемъ, желаетъ мира, спокойствія, чести, вамъ и странамъ вашимъ! — началъ дьякъ мѣрнымъ, однообразнымъ голосомъ. — Господь всемогущій даровалъ человѣку сердце доброе, любящее ближнихъ и въ особенности странниковъ, которые, пріѣзжая къ намъ изъ мѣстъ отдаленныхъ, тѣмъ самымъ ясно доказываютъ свою любовь къ братскому общежитію. Такъ думали отцы наши, всегда гостепріимные, всегда ласковые къ иноземцамъ, требующимъ покровительства. Всѣ люди имѣютъ право на гостепріимство, но еще болѣе купцы, ибо они презираютъ опасности и труды, оставляютъ за собой моря и пустыни для того, чтобы благословенными плодами земли своей обогатить страны дальнія и взаимно обогатиться ихъ произведеніями: Господь вселенной разсѣялъ дары Своей благости, чтобы народы имѣли нужду другъ въ другѣ и чтобы взаимными услугами утверждалась любовь между людьми. Съ такимъ намѣреніемъ нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ предприняли дальнее путешествіе моремъ и требовали нашего согласія. Исполняя ихъ желанія, мы позволили почтенному и храброму мужу Гуго Уильби и

товарищамъ его, нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ, ѣхать въ страны, имъ неизвѣстныя, чтобы искать тамъ того, чего у насъ нѣтъ, и возить имъ то, что у насъ есть и чего нѣтъ въ тѣхъ странахъ. И такимъ образомъ произойдетъ выгода для нихъ и для насъ и постоянная дружба и ненарушимый союзъ между ними и нами, если они позволятъ намъ получать вещи, которыми изобилуютъ ихъ владѣнія, а мы будемъ отпускать къ нимъ изъ нашихъ владѣній тѣ вещи, которыхъ у нихъ нѣтъ».

Дьякъ остановился и перевелъ духъ. Царь былъ доволенъ. Дотолѣ главная торговля съ иноземцами шла черезъ Новгородъ, но, съ паденіемъ Новгорода, въ княженіе Ивана III, торговля эта стала падать. А теперь представлялась возможность завести новыя торговыя связи черезъ Бѣлое море...

«Итакъ, молимъ, васъ, цари, князья, властители,—снова раздался мѣрный голосъ дьяка, — чтобы вы свободно пропустили сихъ людей черезъ свои земли: ибо они не коснутся ничего безъ вашего дозволенія. Великодушно помогите имъ въ нуждѣ, поступите съ ними такъ, какъ хотите, чтобы мы поступили съ вашими слугами, если они когда-нибудь къ намъ заѣдутъ. А мы клянемся Господомъ Богомъ, жизнью и благомъ нашего царства, что всякаго изъ вашихъ подданныхъ встрѣтимъ, какъ единоплеменника и друга, изъ благодарности за любовь, которую окажете нашимъ. Засимъ молимъ Бога, да сподобитъ васъ земного долголѣтія и мира вѣчнаго. Дано въ Лондонѣ, нашей столицѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7061, царствованія нашего въ седьмое»*).

---

*) Карамзинъ ист. Гос. Рос.

Дьякъ кончилъ чтеніе грамоты. Взоры бояръ обратились на молодого царя. Не было сомнѣнія: онъ съ радостью принималъ предложеніе англійскаго короля, онъ согласенъ былъ завести торговыя сношенія съ англійскимъ народомъ.

Черезъ два мѣсяца, въ февралѣ 1554 года, лордъ Ченслеръ выѣзжалъ изъ Москвы въ обратный путь: онъ везъ своему королю отвѣтъ Московскаго царя. Иванъ IV писалъ Эдуарду VI, что онъ искренно желаетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и готовъ сдѣлать все ему угодное. Такъ же ласково, какъ и лорда Ченслера, приметъ онъ и Гуго Уильби, если тотъ заѣдетъ въ Московію. Московскій царь обѣщалъ въ своемъ письмѣ свою дружбу и защиту, свободу и безопасность англійскимъ посламъ и купцамъ.

Совершая долгій путь по снѣжнымъ равнинамъ Московіи, лордъ Ченслеръ перебиралъ въ своей памяти событія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ: радушный пріемъ Московскаго царя... царскій обѣдъ въ Золотой палатѣ, переговоры съ боярами... нѣтъ, онъ не жалѣлъ теперь, что, вмѣсто Индіи, попалъ въ эту холодную страну.

Онъ вспомнилъ ту сказочную роскошь, то великолѣпіе, какими окружилъ себя повелитель Московіи. Передъ его взоромъ, утомленнымъ продолжительной ѣздой, мелькали златотканные одежды, драгоцѣнные камни и жемчугъ на нихъ, позолота на стѣнахъ, литые изъ чистаго золота огромные блюда и кубки, тяжелыя дорогія ткани... всюду золото, всюду блескъ драгоцѣнныхъ камней... Велико, должно-быть, богатство царя... онъ открываетъ глаза. Кони быстро мчали его къ сѣверу по укатанному зимнему пути. Снѣжная равнина отдавала матовымъ,

мертвенно синимъ отливомъ. Порой сверкали своими невеселыми огнями убогія деревушки, гдѣ жили подданые этого сказочно богатаго Московскаго царя. Бѣдность ихъ курныхъ лачужекъ такъ и била въ глаза. Порой по пути попадались огромные обозы, нагруженные естественными произведеніями московской земли. Минуя деревни и села, они направлялись къ Москвѣ, а народъ... народъ оставался бѣднымъ среди своихъ природныхъ богатствъ, заключенныхъ въ нѣдрахъ земли, въ чащѣ лѣсовъ, въ глубинѣ рѣкъ и морей.

ГЛАВА V.

«Вотъ и они,
Пришельцы чуждой стороны».

Прошло болѣе трехъ лѣтъ. Лѣто 1557 года стояло жаркое, продолжительное, какого давно уже не видали у себя жители сѣвера. Было 26 августа, а въ воздухѣ все еще чувствовалась лѣтняя теплота. Солнечные лучи играли на зеркальной поверхности сѣверной Двины и заливали своимъ яркимъ свѣтомъ холмогорскую пристань. Со стороны моря дулъ легкій прохладный вѣтерокъ. На пристани было тихо. Зато нѣсколько поодаль, повыше пристани, шла оживленная работа. Нѣсколько человѣкъ рабочихъ въ холщевыхъ рубахахъ обтесывали громадныя бревна, разбросанныя по берегу, распиливали доски... Были тутъ и вологжане, и устюжане, и свои холмогорскіе люди: всѣхъ принимали къ себѣ на работу англичане, что года два тому назадъ поселились въ Холмогорахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Московскій царь обласкалъ

Ричарда Ченслера и далъ свое согласіе на торговлю англичанъ съ русскими, много ихъ понаѣхало сюда. Въ Лондонѣ составилось цѣлое общество, такъ называемая «Россійская компанія» для торговли съ Московскимъ государствомъ. Иванъ Васильевичъ далъ англичанамъ торговую жалованную грамоту, по которой они могли безпрепятственно торговать во всѣхъ городахъ Московскаго царства, не платя никакихъ пошлинъ.

«Мы даруемъ полную волю и право производить всякаго рода торговлю свободно и покойно безъ всякаго стѣсненія, препятствія, пошлинъ, налоговъ, стѣснительныхъ формъ и проч...» говорилось въ грамотѣ. Грамота давала право англичанамъ жить, гдѣ они пожелаютъ, заводить дома и лавки, нанимать себѣ всякаго рода работниковъ, брать съ нихъ клятву въ точномъ исполненіи обязанностей, наказывать и отсылать ихъ въ случаѣ нарушенія клятвы, нанимать другихъ на ихъ мѣсто. Англичане могли выбрать изъ своей среды старѣйшину, для разбора ссоръ и тяжбъ между собой. Царь обѣщалъ англійскимъ купцамъ строгое и скорое правосудіе при ихъ жалобахъ на русскихъ людей; если кто-нибудь изъ англичанъ будетъ раненъ или убитъ русскими, обѣщался «строгій и немедленный сыскъ и строгое въ примѣръ другимъ наказаніе обидчика». Если англичанинъ совершитъ преступленіе,—дѣло его выслушиваетъ и рѣшаетъ самъ царь, и за вину отвѣчаетъ только виновный, а не компанія. Если виновный англичанинъ будетъ подвергнутъ смертной казни, то имущество и товары его не могутъ быть взяты въ казну. Англичанинъ за долги не можетъ быть посаженъ въ тюрьму, если старѣйшина и купцы поручатся за него.

Библиотека Д. Г. МАРТОСА
UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

Такова была эта льготная грамота, данная Московскимъ царемъ англійской компаніи. Англичане не замедлили воспользоваться тѣми широкими правами, которыя она давала, и въ тотъ же годъ явились къ устью Двины ихъ корабли, нагруженные товарами. Во многихъ городахъ Московскаго царства они устроили складочныя мѣста, и въ Москвѣ свой дворъ завели у св. Максима-Исповѣдника на Варваркѣ, и въ Вологдѣ, и въ другихъ городахъ; много ихъ поселилось въ Холмогорахъ: ближайшее мѣсто было къ морю, удобное для торговли: сюда изъ разныхъ мѣстъ товары свозились. Царь и земли имъ здѣсь далъ, и огороды, и луга отвелъ. Ближе къ берегу успѣла уже образоваться цѣлая слобода иноземная, «Нѣмецкая», какъ называли ее мѣстные обыватели. Подъѣзжая на лодкѣ къ Холмогорской пристани, издали можно было видѣть эти новенькіе чистенькіе домики англійскихъ купцовъ. Рядомъ съ ними стояли большіе помѣстительные сараи и амбары для складки товаровъ. Нѣсколько поодаль отъ нихъ достроивалось новое, непохожее на другія, зданіе. Оно было не особенно широко, но зато далеко растянулось въ длину. Въ стѣнѣ, выходящей на рѣку, было понадѣлано множество отверстій для оконъ. Рабочіе давно уже работали надъ этимъ зданіемъ, а работѣ словно и конца не видать. Сегодня опять англичане приказали прибавить въ длину.

Время приблизилось къ обѣду, и усталость брала свое; загрубѣлыя руки медленнѣе взмахивали топорами, лѣнивѣе двигались пилы. Кое-кто ужъ бросилъ работу и принялся за свой скромный обѣдъ.

«Вѣдь вотъ, поди ты, заговорилъ, бросая топоръ, высокій плечистый парень съ загорѣлымъ лицомъ и чер-

ными курчавыми волосами: вотъ, поди ты—и дерево-то наше, и плотники то наши строили, а вѣдь словно бы и не похожи избы-то ихнія на наши; и крыша, и крыльцо, все не такъ, все на свой образецъ сдѣлали»...

Иванъ Максимовъ, такъ звали говорившаго, былъ холмогорскій обыватель и хорошій плотникъ. Онъ только что вернулся на родину: все на чужой сторонѣ плотничалъ. Тамъ и услыхалъ онъ, что иноземцы строятъ себѣ въ Холмогорахъ дома да дворы; воротившись домой, онъ тутъ же нанялся къ нимъ и теперь съ любопытствомъ присматривается къ этимъ «нѣмецкимъ» постройкамъ, оглядываетъ въ нихъ каждую мелочь, каждую подробность...

«Да и амбары-то не чета нашимъ будутъ»... подхватилъ его слова степенный, сумрачный устюжанинъ, съ длинной, русой бородой. Онъ указалъ на отстроенный ими мѣсяца два тому назадъ, подъ руководствомъ англійскаго мастера, огромный, крытый дворъ и затѣмъ перевелъ глаза на монастырскіе сараи съ запасами соли.

Англійскій сарай не представлялъ собою ничего особеннаго: онъ былъ только больше, прочнѣе была стройка, но, въ сравненіи съ нимъ, покривившіеся и почернѣвшіе отъ времени монастырскіе амбары казались, дѣйствительно, и маленькими и неуклюжими.

«А вотъ это такъ хоромина будетъ», сказалъ кто-то, и глаза всѣхъ рабочихъ обратились на вытянувшееся по берегу странное длинное зданіе, которое они спѣшили окончить.

«Приказывалъ мастеръ-то ихній въ два дня все додѣлать: не кончите, говоритъ,—всѣхъ прогоню»...

«Больно скоръ, два дня, и недѣлю проработаемъ, ладно будетъ. Успѣютъ еще канатовъ-то понадѣлать, вонъ и мастера-то ихніе не ѣдутъ»...

«А пеньки этой, братцы вы мои, что навезли изъ Вологды: видимо-невидимо, всѣ амбары полны-полнешеньки, намедни все въ новый сарай таскали»...

«Вѣдь выдумаютъ тоже, затѣяли канаты здѣсь дѣлать: что у нихъ тамъ, въ своей-то землѣ, мѣста что ли не было?» замѣтилъ Иванъ Максимовъ, вглядываясь въ темныя окна отверстія, словно стараясь разсмотрѣть за ними внутренность зданія.

«Какъ, чай, мѣсту не быть; только, видишь ли, пеньки-то у нихъ, стало-быть, тамъ нѣтъ, вотъ они и хотятъ прямо ее отсюда канатами вывозить»...

«Хитрый народъ, что и говорить, проговорилъ въ раздумьи Иванъ Максимовъ: только гдѣ жъ они рабочихъ возьмутъ? Небось, изъ своей земли столько не вывезешь: тутъ сколько народу понадобится»...

«Стало-быть, опять насъ обучать будутъ»...

Разговоръ вдругъ оборвался: изъ-за высокой груды теса показалась небольшая группа людей въ широкополыхъ шляпахъ и въ короткихъ платьяхъ иноземнаго покроя.

«Гляди: самъ Грей идетъ!»

Рабочіе вскочили со своихъ мѣстъ и принялись за покинутую ими работу.

Въ самомъ дѣлѣ, къ рабочимъ направлялся высокій, статный англичанинъ съ небольшой бородкой и съ коротко остриженными сѣдыми волосами. Это былъ англійскій купецъ, Ричардъ Грей, поселившійся здѣсь два года тому назадъ. Это ему первому пришла въ голову мысль заняться въ Холмогорахъ выдѣлкой канатовъ. Англія

получала канаты изъ Данцига, но Ричардъ Грей нашелъ, что пенька, привозимая изъ Вологды, болѣе пригодна для канатовъ, но возить ее въ Англію въ сыромъ видѣ стоило бы очень дорого, и много мѣста занимала она при перевозкѣ. Выгоднѣе было скупать пеньку въ Вологдѣ, перевозить ее въ Холмогоры, перерабатывать здѣсь въ канаты и затѣмъ уже, въ готовомъ видѣ, отсылать на родину.

Съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдилъ предпріимчивый лондонскій купецъ за постройкой помѣщенія, въ которомъ должны будутъ изготовляться канаты: вотъ оно уже почти кончено. Съ гордымъ, самодовольнымъ видомъ, указывая на него своему сосѣду, — полному, средняго роста англичанину, съ прекрасной, густой, бѣлокурой бородой, Ричардъ Грей что-то говорилъ ему, что-то объяснялъ, видимо.

«А это кто жъ, рядомъ съ Греемъ-то идетъ? спросилъ Иванъ Максимовъ: ишь бородища-то какая, до самаго пояса!»

«А это купецъ тоже, съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ на одномъ кораблѣ, да только онъ больше въ Новгородѣ жилъ, льняную пряжу тамъ закупалъ. Вчерашній день сюда пріѣхалъ».

Не одного Ивана Максимовича поразила борода Киллингворта: самъ царь Иванъ Васильевичъ, когда принималъ англійскихъ купцовъ, долго любовался этой длинной, густой бородой и указалъ на нее митрополиту Макарію, на что тотъ сказалъ, что это «даръ Божій».

Купцы долго разговаривали между собой. Лицо Грея было одушевленно, въ его глазахъ виднѣлась гордость піонера, онъ оживленно разсказывалъ о своихъ планахъ

и надеждахъ: въ этой дикой невѣжественной странѣ онъ строитъ первую фабрику: что выйдетъ изъ этого? Если этотъ первый опытъ удастся, о, тогда... пусть англійское оружіе покоряетъ Англіи новыя земли,— они, англійскіе купцы, сумѣютъ другимъ путемъ, путемъ мирнымъ, пріобрѣсти для своей родины несмѣтныя богатства. Еще вчера изъ Вологды онъ получилъ отъ своихъ извѣстіе, что, возлѣ самой Вологды и возлѣ Тулы, въ нѣдрахъ земли скрыты большія залежи руды, а недавно изъ Англіи пришло требованіе выслать значительное количество стали, образецъ которой онъ послалъ еще весной; оказалась пригодной, стало-быть, а не мало ея, говорятъ, въ Московіи за линіей засѣкъ, которыми москвитяне ограждали себя отъ татаръ. Желѣзо, сталь, пенька... да тутъ можно настроить огромныя фабрики, десятки заводовъ, и такимъ образомъ всѣ природныя богатства Московскаго царства перейдутъ въ ихъ руки. Недаромъ, значитъ, тогда, четыре года тому назадъ, они снарядили три корабля для открытія новыхъ странъ. Печальное воспоминаніе прервало на мгновеніе смѣлыя думы англійскихъ купцовъ: оба вспомнили ужасную гибель Гуго Уильби... Еще будучи въ Англіи, они прочли его дневникъ, который привезъ имъ лордъ Ченслеръ. Онъ же и разсказалъ имъ, что русскіе рыбопромышленники весной 1554 года нашли оба корабля съ трупами замерзшихъ людей у Нокуевской губы.

Бѣдный товарищъ! онъ погибъ жертвой своей предпріимчивости! Но то, что не удалось ему, удалось лорду Ченслеру и имъ.

Ричардъ Грей снова заговорилъ о будущей фабрикѣ и провелъ Киллингворта къ огромному сараю, гдѣ хра-

нились заготовленная для нея пенька и выписанные изъ Англіи станки и другія приспособленія для выдѣлки канатовъ. Киллингвортъ внимательно осматривалъ все и одобрительно качалъ головой. Купцовъ сопровождалъ мастеръ, завѣдующій постройкой. Ричардъ Грей, указывая на неоконченныя стѣны будущей фабрики, что-то рѣзко и внушительно сталъ выговаривать ему.

— Видно, торопитъ, — замѣтили рабочіе, теперь будетъ намъ отъ него.

— А строгъ нешто? — спросилъ Иванъ Максимовъ.

— Да что строгъ! — въ одинъ голосъ заговорило нѣсколько человѣкъ: — кабы только строгъ, никто бы слова не сказалъ, а просто, можно сказать, слова путнаго не услышишь: за людей не считаетъ...

— А намедни, вотъ какъ меня толкнулъ въ спину: насилу опомнился! — проговорилъ жиденькимъ голоскомъ маленькій, худенькій мужичонко, распиливавшій длинную доску... Между тѣмъ «корабельные мастера», какъ называли въ Холмогорахъ Ричарда Грея и Киллингворта, осмотрѣвъ будущую фабрику и сарай пошли назадъ, къ дому Ричарда Грея, а мастеръ, немного проводивъ ихъ, снова вернулся и быстрыми шагами направился къ рабочимъ. Его сухая, длинная фигура въ короткомъ камзолѣ и высокихъ сапогахъ не внушала къ себѣ симпатіи. Узкіе глазки высокомѣрнымъ взглядомъ окинули рабочихъ. Въ этомъ взглядѣ, какъ и во всѣхъ движеніяхъ англичанина, сказывалось сознаніе собственнаго превосходства надъ «дикарями москвитянами», и глубокое презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые работали подъ его присмотромъ. На этотъ разъ лицо мастера было сердитѣе обыкновеннаго: его брови были сурово сдвинуты,

руки сжимались въ кулаки. Онъ подошелъ къ небольшой кучкѣ рабочихъ, пилившихъ доски и на ломаномъ русскомъ языкѣ закричалъ на нихъ: не сегодня завтра пріѣдутъ канатные мастера, а помѣщеніе еще не готово, онъ клялся пожаловаться на нихъ холмогорскому головѣ, запереть ихъ въ тюрьму, наказать плетьми...

Вымѣщая на нихъ то неудовольствіе, которое высказалъ ему Ричардъ Грей, мастеръ, не долго думая, замахнулся палкой на перваго попавшагося рабочаго.

Ропотъ недовольства пробѣжалъ въ толпѣ; если бы свой былъ, не то еще отъ своихъ терпѣли, а то чужеземецъ, нехристь...

Но въ эту минуту на рѣкѣ со стороны моря послышался легкій шумъ. Мастеръ далъ знакъ остановить работу и сталъ прислушиваться. Шумъ все усиливался, и скоро на рѣкѣ показалось что-то большое, темное...

— Видно, заморскіе товары везутъ, — прошепталъ кто-то изъ рабочихъ, посмотрѣвъ въ сторону англійскаго мастера, который спѣшилъ къ дому Ричарда Грея.

— Ишь, побѣжалъ, обрадовался, почитай другую недѣлю ждутъ.

Пристань оживилась. Не въ первый разъ пристаютъ къ ней иноземные товары, а все же любопытно. Можетъ, пріѣдетъ съ ними кто изъ своихъ, вѣсти какія привезутъ. Еще въ прошломъ году весной провожали они въ Англію посла Московскаго царя, вологодскаго дворянина, Осипа Григорьевича Непѣю, вмѣстѣ съ лордомъ Ченслеромъ. Поѣхали съ ними туда-же и купцы холмогорскіе Фофанъ Макаровъ, да Михаилъ Григорьевъ, да еще человѣкъ восемь вологодскихъ да холмогорскихъ людей. Что товаровъ всякихъ повезли въ чужую землю!

Ждали ихъ, ждали назадъ... А тутъ зимой пришла вѣсть, что разразилась на морѣ страшная буря, потонули всѣ корабли и люди на нихъ... Немало слезъ было тогда пролито въ Холмогорахъ и Вологдѣ. Потомъ пришелъ слухъ, что Непѣя спасся, да не повѣрили сперва этому слуху холмогорцы. А съ недѣлю тому будетъ, привезли изъ Неноксы соль монастырскіе приказчики, такъ сказывали: точно, благополучно воротился изъ чужихъ краевъ Непѣя: сами они видѣли его: живетъ пока въ Никольскомъ монастырѣ, скоро прибудетъ въ Холмогоры. Сказывали монахи, что привезъ съ собою Осипъ Григорьевичъ иноземцевъ видимо-невидимо: мастеровъ разныхъ: лѣкарей, купцовъ, а товаровъ заморскихъ еще никогда столько не подвозили иноземные корабли къ монастырской пристани.

Въ самомъ дѣлѣ, къ берегу медленно двигались на парусахъ, подгоняемыя попутнымъ вѣтромъ, огромныя плоскодонныя, длинныя лодки, нагруженныя всевозможными тюками, бочками, ящиками разной величины. Эти лодки, такъ называемыя досчаники, какъ и вообще всѣ русскія суда того времени, были построены совершенно безъ желѣза: доски соединялись лыками изъ древесной коры, а вмѣсто желѣзныхъ гвоздей, употреблялись деревянные. На нихъ то англичане и перегружали свои товары съ кораблей, пристававшихъ у приморской пристани св. Николая. На досчаникахъ стояли люди въ короткихъ курткахъ и сѣрыхъ войлочныхъ шляпахъ. Тутъ же было нѣсколько монастырскихъ служекъ, которые провожали иноземные товары до Холмогоръ.

Досчаники подплыли къ берегу какъ разъ въ ту минуту, когда англичане, съ Ричардомъ Греемъ во главѣ, вошли на пристань.

— Посолъ царскій, Осипъ Григорьевичъ Непѣя, ѣдетъ слѣдомъ за нами, раздалось съ досчаника, а съ нимъ вмѣстѣ ѣдутъ иноземные купцы и мастера и тѣ люди вологодскіе и холмогорскіе, которыхъ Богъ спасъ отъ погибели на морѣ.

Въ отвѣтъ на эти слова, съ пристани раздались радостные возгласы. Монастырскихъ служителей засыпали вопросами. Но въ это время на берегу показалась полная фигура городского головы, Филиппа Родіоновича. Заслышавъ о томъ, что скоро прибудетъ царскій посолъ, онъ засуетился: направо и налѣво посыпались его приказанія. Кого посылалъ онъ созывать народъ для встрѣчи почетнаго гостя, кому далъ приказъ принарядиться: всѣмъ далъ дѣло расторопный выборный голова, а самъ направился къ кучкѣ англичанъ, которые хлопотали возлѣ привезенныхъ товаровъ.

Пристань опустѣла, но на берегу продолжалась оживленная работа. Англійскіе купцы считали количество привезенныхъ тюковъ и бочекъ, а нарочно приставленные для того чиновники отбирали лучшіе товары для царской казны; рабочіе проворно перетаскивали тюки и ящики съ досчаника въ амбары. Товары, предназначенные для отправки въ Вологду и дальше въ Москву, оставляли на досчаникѣ. Большое количество было привезено разныхъ суконъ. Лондонское сукно, впервые привезенное въ 1555 г. Киллингвортомъ, очень понравилось въ Московіи, и на него былъ большой спросъ. Изъ этого сукна, извѣстнаго подъ именемъ «сукна Лундышъ», русскіе охотно шили себѣ кафтаны. Не мало привезено было сахару, который по вкусу пришелся Московскому царю. Получено было нѣсколько бочекъ

ювянной посуды, которая находила большой сбытъ
а ярмаркахъ въ Холмогорахъ, въ Вологдѣ и охотно
аскупалась въ Москвѣ.

Работа близилась къ концу. Часть товаровъ была пе-
енесена въ сараи, большая часть осталась на досча-
ікѣ. Возлѣ Ричарда Грея стояла кучка оборванныхъ,
горѣлыхъ людей. Черезъ мастера, хорошо знающаго
-русски, онъ нанималъ ихъ тащить досчаники до Во-
огды.

Между тѣмъ пристань снова оживилась. Народъ на-
ядился по-праздничному, прибыли и лучшіе граждане
рода, — холмогорскіе именитые купцы, вологодскіе,
стюжскіе гости. Среди нихъ былъ и Семенъ Осипо-
ичъ Баженинъ. Три года прибавили сѣдины въ его
ородѣ, да взглядъ очей сталъ суровѣе, еще непреклон-
ѣе. Надежды обманули его такъ же, какъ и много
угихъ двинскихъ купцовъ. Прибытіе въ Холмогоры
иглійскихъ купцовъ не принесло имъ ожидаемыхъ вы-
дъ. Не удалось имъ сдѣлаться посредниками въ тор-
влѣ англичанъ съ Московскимъ государствомъ. Всѣмъ
вѣдывали сами иноземные купцы, сами и товаръ ску-
ли у мелкихъ торговцевъ. Много хуже при нихъ стало:
лько цѣны на товары набили.

Именитые купцы недружелюбно поглядываютъ въ сто-
ну англійскихъ купцовъ, а тѣ словно и не замѣчаютъ
ъ: такъ заняты они своей работой.

Солнце показывало полдень. Задыхались въ своихъ
рогихъ, тяжелыхъ одеждахъ, въ теплыхъ мѣховыхъ
апкахъ богатые горожане, въ ожиданіи царскаго посла.
отъ пріѣхалъ и правитель Двинскаго края, Семенъ
зеркіевичъ Дуда. Медленно, важно входитъ онъ, держа

въ рукахъ хлѣбъ-соль. Онъ ласково отвѣчаетъ на по-
клоны толпящагося на берегу народа и пристальн
всматривается вдаль. Вотъ показалась, наконецъ, на рѣкѣ
темная точка, которая росла съ каждой минутой. То при
ближалась огромная лодка съ людьми. Вотъ она уже со
всѣмъ близко: съ пристани можно разглядѣть лица подъ
ѣзжающихъ. Вонъ и самъ Осипъ Григорьевичъ Непѣя
онъ стоитъ посреди лодки въ богатой парчевой одеждѣ
на груди его красуется большая золотая цѣпь. Благо
образное, бородатое лицо царскаго посла улыбается
видно, радъ, что видитъ родные берега. Онъ узнает
на пристани своихъ вологжанъ.

Громкіе крики непритворной радости огласили воз
духъ: холмогорцы и вологжане увидали на лодкѣ своих
родныхъ, которыхъ уже давно оплакали, какъ покой
никовъ! Спаслись, стало-быть, не потонули. Радостн
машутъ шляпами стоящіе на берегу англичане, при
вѣтствуя подъѣзжающихъ товарищей. Много иноазем
ныхъ гостей везетъ съ собой Непѣя. Король и коро
лева англійскіе изъявили согласіе на свободный выѣзд
изъ Англіи въ Московское государство разныхъ худож
никовъ и ремесленниковъ.

Непѣя, зная, какъ Московскій царь добивается этих
«иноземныхъ хитрыхъ мастеровъ», тутъ же рѣшилъ вос
пользоваться королевскимъ позволеніемъ. Съ нимъ ѣдут
на службу Московскому царю лѣкарь Стэндишъ, апте
каря и много разныхъ мастеровъ, ремесленниковъ, рудо
знатцевъ. Рядомъ съ Непѣей стоитъ Антоній Дженкин
сонъ, дѣятельный торговый агентъ, вызванный съ родин
Ричардомъ Греемъ. Онъ везетъ съ собою опытныхъ масте
ровъ канатнаго и веревочнаго дѣла для будущей холмо

горской фабрики, везетъ свѣдущаго скорняка для сортировки пушного товара, который англійскіе купцы скупили у русскихъ торговцевъ. Ѣдетъ съ нимъ и знатокъ лѣсного дѣла, Леонардъ Бріанъ, для развѣдыванья, нѣтъ ли въ сѣверныхъ лѣсахъ Московіи тису,—дерева, особенно цѣнимаго въ Англіи?

— Ишь, сколько ихъ привалило: словно къ себѣ на родину пріѣхали, — замѣтилъ своему сосѣду Семенъ Осиповичъ Баженинъ, отъ котораго не укрылась та непринужденность, съ которой держали себя подъѣзжавшіе къ пристани англичане.

Черезъ минуту лодка была у берега.

Медленно сошелъ Осипъ Григорьевичъ на пристань, торжественно принялъ изъ рукъ излюбленнаго головы хлѣбъ-соль, длинной витіеватой рѣчью отвѣтилъ на его поздравленіе съ пріѣздомъ, привѣтливо поздоровался съ именитыми людьми и горожанами, которые кланялись ему гусями, утками, печенымъ хлѣбомъ, низко поклонился всему народу!

Чуть замѣтная усмѣшка пробѣжала по лицамъ англичанъ, когда они глядѣли на эту торжественную встрѣчу: «Чего только не выдумываютъ невѣжественные люди», казалось, говорили ихъ глаза, обращенные на подносящихъ послу утокъ и гусей.

Церемонія встрѣчи царскаго посла кончилась. Одинъ за другимъ сошли съ лодки на пристань и англичане, холмогорскіе власти обратились и къ нимъ со словами привѣтствія. Отвѣтивъ на него и поздоровавшись со своими соотечественниками, Антоній Дженкинсонъ и его товарищи сошли на берегъ и тутъ же, не теряя даромъ времени, приступили къ осмотру англійскихъ построекъ.

— А это что? — вдругъ раздались голоса на берегу еще досчаникъ ѣдетъ, а на немъ, гляди-ка, звѣри какіе-то

Въ самомъ дѣлѣ, къ берегу приближался небольшо досчаникъ, на которомъ стояла большая клѣтка съ двум львами. Это былъ подарокъ англійской королевы Москов скому царю.

Долго еще народъ дивился на диковинныхъ звѣре послѣ того, какъ Осипъ Григорьевичъ, провожаемы лучшими людьми города, отправился къ излюбленном головѣ, но мало-по-малу и самые любопытные стал расходиться по домамъ.

Августовское солнце близилось къ закату, на берег остались только рабочіе. Гулко разносился по вод стукъ ихъ топоровъ, да нестройное визжанье пилъ Скоро и эти звуки смолкли. Въ воздухѣ повѣяло про хладой, наступилъ вечеръ. Въ домахъ англичанъ за жглись огоньки, въ небѣ загорѣлись звѣзды... Тих было на берегу. Темнымъ пятномъ вырисовывался н рѣкѣ огромный досчаникъ съ товарами, готовый къ от плытію. Медленно, усталой походкой подошла къ нем кучка бурлаковъ... Равнодушно глянули они на искри шуюся въ лунномъ сіяньи величавую, спокойную Се верную Двину. Ужъ сколько лѣтъ таскаютъ они по это рѣкѣ досчаники, нагруженные товарами, отъ Холмогор до Вологды и обратно. Противный вѣтеръ дулъ им въ лицо, береговые камни рѣзали голыя ноги, а они обвязавъ себя длиннымъ канатомъ, прикрѣпленным къ досчанику, выбиваясь изъ силъ и подбадривая себ заунывной пѣсней, медленно подвигались все впере и впередъ. Вотъ завтра чѣмъ свѣтъ потащатъ они так иноземные товары...

Посреди досчаника что-то задвигалось, зашумѣло. Это ь своемъ шатрѣ укладывался спать англичанинъ, сторо-ившій товары. Бурлаки боязливо переглянулись между обою и затѣмъ принялись размѣщаться на ночлегъ на рибрежномъ пескѣ. И снова все смолкло на берегу. орой только слышится плескъ рыбы, да рѣзкій крикъ очной птицы нарушалъ иногда это однообразіе тишины.

ГЛАВА VI.

«И было пированье
Почетный пиръ,
И было столованье
Почестный столъ».

Душно въ просторной, но не высокой горницѣ, въ ко орой Семенъ Осиповичъ Баженинъ пируетъ со своими остями. Лучи полуденнаго солнца, пробиваясь сквозь людяныя оконца, освѣщаютъ большой столъ, уставлен-ый всевозможными закусками и напитками. Самъ хо-инъ сидитъ на покрытой узорчатымъ ковромъ лавкѣ озлѣ окна. Онъ одѣтъ въ новый кафтанъ изъ англій-каго сукна, застегнутый серебряными пуговицами. ицо его дышетъ привѣтливостью и радушіемъ: онъ не аетъ, чѣмъ угостить самаго дорогого, самаго почет-аго гостя своего,—Осипа Григорьевича Непѣю, который идитъ по правую руку отъ него, въ переднемъ углу одъ образами. Онъ поминутно подчуетъ его, пододви-я къ нему то соленую рыбу, то разварную, то жаре-аго гуся, то пирогъ съ начинкой. Московскій посолъ ему дѣлаетъ честь, не обижаетъ своимъ отказомъ остепріимнаго хозяина. Не заставляютъ себя долго упра-

шивать и прочіе гости. Здѣсь всѣ свои люди, всѣ друзья и пріятели Семена Осиповича, купцы холмогорскіе да вологодскіе. Много ѣдятъ гости, еще больше того пьютъ.

То и дѣло хозяинъ наполняетъ ихъ кубки то крѣпкимъ русскимъ медомъ, то дорогимъ заморскимъ виномъ. Пьютъ во здравіе Московскаго царя Ивана Васильевича, во здравіе его посла Осипа Непѣи, пьютъ во здравіе радушнаго хозяина.

За чаркой зелена вина легче ведется бесѣда. Больше всѣхъ говоритъ Московскій посолъ. Ему есть что поразсказать своимъ собесѣдникамъ: не даромъ онъ прожилъ цѣлый годъ въ заморскихъ краяхъ. Поглаживая свою густую бороду съ сильной просѣдью, Осипъ Григорьевичъ говоритъ медленно, неторопливо: онъ словно переживаетъ всѣ событія своей поѣздки въ чужую землю. Съ той минуты, какъ онъ на кораблѣ «Примерозъ» благополучно вернулся къ устью Сѣверной Двины,— который уже разъ приходится ему разсказывать объ этой поѣздкѣ, а все еще и сейчасъ въ голосѣ его слышится неподдѣльное волненіе.

«Шутка сказать, сколько разъ видѣлъ смерть лицомъ къ лицу, всего натерпѣлся... какъ только Богъ хранилъ... Какъ отплыли мы тогда лѣтомъ отъ пристани Св. Николая, такъ почитай мѣсяцевъ пять носились по волнамъ морскимъ... хоть-бы клочекъ земли было видно, куда ни взглянешь,—море, одно море и конца ему нѣтъ... А тутъ начались осеннія бури, затрещали морозы. Гуляетъ это вѣтеръ по морю и гонитъ прямо тебѣ навстрѣчу огромныя льдины, величиной съ гору. Вотъ, кажись, одна минута, и набѣжитъ эта ледяная гора прямо на корабль и разобьетъ его въ щепки: что говорить,—

езстрашный былъ мореплаватель рыцарь Ченслеръ. Я рожу отъ страха, читаю молитвы, а онъ хоть-бы что! Іу, да видно противъ воли Божіей не пойдешь! Какъ рибило это насъ къ берегу Шотландской земли, — обраовались мы, якорь бросили, а тутъ ночью поднялась уря, сами англичане не запомнятъ такой: не выдерсалъ якорь, и пустился нашъ корабль отъ берега и заертѣло его: только щепки полетѣли... Ченслеръ взялъ ына своего, сѣлъ съ нимъ въ лодку, нашихъ съ ними емь человѣкъ поѣхало; думаютъ къ берегу пристать, я хотѣлъ тоже, да Богъ отвелъ... на глазахъ всѣ потоули, — и Ченслеръ, и сынъ его, и наши: такъ лодку олной и захлеснуло»...

Непѣя смолкъ и задумался. Передъ нимъ ясно рисоалась страшная картина морской бури со всѣми ея ужаами; онъ словно слышалъ еще грозный ревъ моря, тчаянные крики погибавшихъ, ихъ мольбы о спасеніи...

«Какъ же тебя-то Богъ хранилъ, Осипъ Григорьевичъ»? ервалъ его молчанье молодой вологодскій купецъ, дальій родственникъ хозяина, только нынче утромъ пріѣавшій въ Холмогоры.

«Какъ Богъ хранилъ, — не знаю! Какъ начало это ашъ корабль-то крутить, — уцѣпился я за доску, сотвоилъ молитву и поплылъ... Ничего не помню, что было альше... Очнулся, — лежу на берегу; солнце свѣтитъ адо мной. Море утихло. По берегу раскиданы бочки акія-то, корабельныя доски, а самого корабля нѣтъ: азбился, стало-быть, — ко дну пошелъ. Что тутъ было ѣлать? И спасся-то, думаю, не на радость. Одинъ неѣдомо въ какой землѣ, не знаю языка чуждаго, все имуество мое потонуло, подарки, что царь послалъ англій-

ской королевѣ — мѣха дорогіе, охотничій соколъ... все погибло... Куда итти, у кого просить помощи? И тутъ Богъ не оставилъ. Толмачъ-то мой, что изъ Москвы со мной ѣхалъ, англичанинъ Робертъ Бестъ, тоже спасся: ну, съ нимъ все было легче: хоть языкъ-то ихъ понимаетъ... Очутились мы, стало-быть, въ Шотландской землѣ, по сосѣдству съ Англійской. Пока-то разузнали все объ насъ: зачѣмъ пріѣхали, да откуда, пока дали знать своей правительницѣ, — безъ малаго мѣсяцъ прошелъ. Повезли насъ въ Эдинбургъ, гдѣ правительница жила. Только что пріѣхали, а тутъ изъ Англіи два сановника прибыли за нами: узнали, значитъ, о гибели корабля. Письмо привезли отъ Англійской королевы Шотландской правительницѣ: просила ее Англійская-то оказать намъ всякую помощь. Не раньше февраля выбрались мы изъ Эдинбурга и поѣхали на коняхъ въ Англійскую землю. Ну тутъ ужъ все пошло по другому»...

«Во здравіе твое, Осипъ Григорьевичъ, еще разъ сказалъ хозяинъ, наливая гостямъ полные кубки крѣпкой настойки: благодареніе Богу, что доставилъ Онъ тебя къ намъ живымъ и невредимымъ»...

«Что жъ, хорошо тебя принимали въ англійской землѣ?» спросилъ кто-то.

«Еще бы, чай, нехорошо, — и брови его сдвинулись: небось, нашъ-то царь какую имъ грамоту далъ: по ней они здѣсь полные хозяева».

«Ужъ и принимали братцы вы мои, снова началъ Осипъ Григорьевичъ, замѣтно хмѣлѣя: ужъ и принимали такъ, что и сказать нельзя! Никому, говорятъ, еще такого почету не было, какъ послу Московскаго царя. Въ каждомъ городѣ купцы и начальные люди навстрѣчу

ыѣзжали, подарки подносили, дорогой охотой на лицъ забавляли, чтобы, значитъ, не скучно было. А какъ тали подъѣзжать къ Лондону, первый городъ у нихъ,— ыѣхали меня встрѣчать самые знатные сановники ь богатыхъ красныхъ платьяхъ, а вмѣстѣ съ ними огатѣйшіе купцы Лондонскіе — все члены той компаніи, то торговлю съ нами ведетъ. Числомъ ихъ было 140 человѣкъ. Много еще всякихъ людей выѣхало навстрѣчу, е въ нарядныхъ одеждахъ, да на дорогихъ коняхъ. Такъ подъѣхали къ намъ, — главный-то сановникъ ихъ, ордъ Монтегю, слѣзъ съ коня и поздравилъ меня съ прибытіемъ отъ имени своей королевы. Такъ всѣ вмѣстѣ ь Лондонъ и въѣхали».

По лицу Осипа Григорьевича разлилась блаженная лыбка: онъ забылъ и ужасы морской бури, и гибель орабля и всѣмъ существомъ своимъ переживалъ сладость торжественной встрѣчи, которая выпала на его долю.

Хозяинъ и гости со вниманіемъ слушали разсказъ осла. Они прерывали его только затѣмъ, чтобы угостить новой чаркой вина.

«А въ Лондонѣ-то что было! Улицы полны были народу, всѣ кричали что-то по-своему, махали шапками... асилу проѣхали. Привезли меня въ знатные хоромы огатаго суконнаго торговца Диммока. Тамъ я и жилъ. орницы въ домѣ убраны были, что ни есть богаче, угоенье было самое лучшее. Нечего сказать, народъ ласковый, обходительный»...

При послѣднихъ словахъ, чуть примѣтная усмѣшка робѣжала по губамъ Семена Осиповича Баженина: онъ отѣлъ что-то сказать, но удержался.

А Непѣя, утирая крупныя капли пота, катившіеся по

его покраснѣвшему отъ вина лицу, продолжалъ говорить съ воодушевленіемъ:

«Всего наглядѣлся я: каждый день водили по городу всѣ диковинки заморскія показали: и крѣпость ихъ видѣлъ, и ратушу, и во дворцахъ побывалъ, и въ храмѣ св. Павла былъ, гробницу короля Генриха VII видѣлъ»..

«И королеву видалъ?»

«Какъ же, и королеву Марію видѣлъ, и супруга ея Филиппа Испанскаго. Прислали за мной тоже лорда Монтегю. Какъ, думаю, быть? Вѣдь всѣ подарки-то царскіе потонули, съ чѣмъ итти? Да спасибо компанія выручила еще въ прошлый свой пріѣздъ, лордъ Ченслеръ привезъ ей отсюда соболей. Взялъ я ихъ, и отправились мы во дворецъ. Покои во дворцѣ убраны, не надо лучше: вездѣ ковры, на стѣнахъ живописныя изображенія. Король и королева приняли меня ласково, поднесъ я имъ соболью мѣха и царскую грамоту... а какъ наступилъ у нихъ большой праздникъ ордена подвязки,—королева пригласила меня въ церковь и усадила на возвышенное мѣсто недалеко отъ себя. И во снѣ-то мнѣ никогда не снилось, что буду сидѣть возлѣ англійской правительницы»...

«Ну, а купцы-то лондонскіе, небось, не знали, какъ и угодить?» перебилъ Семенъ Осиповичъ.

«И не говори, хозяинъ: такъ честили, такъ честили! Напослѣдокъ, какъ мнѣ уѣзжать, устроили для меня большой пиръ въ роскошной палаткѣ суконниковъ. Тутъ и получилъ я отъ нихъ въ даръ пять золотыхъ сосудовъ, всѣ усыпаны драгоцѣнными камнями, да вотъ эту цѣпь».

Непѣя указалъ на тяжелую золотую цѣпь, висѣвшую у него на груди.

«Не хотѣли, чтобы дворъ или казна тратились на меня: сѣ издержки, коихъ потребовало мое житье въ Лононѣ, взяли на себя. Вашъ, говорятъ, царь оказываетъ ашей компаніи всякія льготы да милости. Хотимъ и мы гблагодарить его и просимъ повѣрить нашей ревностной, обросердечной дружбѣ, которую мы питаемъ къ царю ашему и ко всѣмъ Мосвитянамъ».

«Посмотрѣлъ бы ты здѣсь на эту «добросердечную» ружбу, Осипъ Григорьевичъ», замѣтилъ Семенъ Осиовичъ съ горестью.

«Прямо вамъ скажу, — народъ обходительный, продолалъ Осипъ Григорьевичъ, не обращая вниманія на ова хозяина: не знали, гдѣ посадить, чѣмъ угостить. королева... вѣкъ не забуду ея милостиваго обхожденія. е хочу, говоритъ, въ долгу остаться у вашего царя, усть, говоритъ, и ваши купцы торгуютъ у насъ безданно, зпошлинно: всякія, говоритъ, имъ льготы предоставлю, усть заводятъ дворы свои, въ какомъ городѣ пожеаютъ... ремесленники, рудознатцы, коли понадобятся ашему царю, задержки отъ насъ никакой не будетъ, ускай ѣдутъ къ нему на службу»...

«То-то ты и вывезъ ихъ столько!» сказалъ кто-то изъ стей.

«Обошли тебя англичане, совсѣмъ обошли, съ той же речью въ голосѣ опять замѣтилъ Семенъ Осиповичъ. отому-то такъ и ласкали тебя, чтобъ ты за нихъ передъ царемъ стоялъ, чтобы новыхъ милостей отъ царя биться... мало имъ еще... наглядѣлись мы здѣсь на нихъ оволь... вонъ и Петръ Григорьевичъ тебѣ скажетъ»...

Петръ Григорьевичъ, — немолодой, тучный купецъ рѣдкими, расчесанными на прямой рядъ волосами,

съ маленькими подслѣповатыми глазками былъ совсѣмъ пьянъ. При послѣднихъ словахъ хозяина, онъ поднялся съ лавки и, ударивъ по столу кулакомъ, воскликнулъ:

«Ужъ коли пошло на правду, такъ житья намъ нѣтъ отъ англичанъ отъ этихъ, вотъ что! Всѣмъ завладѣли, словно у себя дома распоряжаются»!

Какъ будто только этихъ словъ и дожидались именитые купцы, молча слушавшіе разсказъ Непѣи. Они заволновались, заговорили всѣ разомъ. За столомъ поднялся шумъ невообразимый.

«Что говорить, обидѣлъ насъ царь, совсѣмъ обидѣлъ, самъ посуди, Осипъ Григорьевичъ, гдѣ мы теперь товару достанемъ? Бывало, выйдешь на базаръ, — всѣ торговцы къ тебѣ, только купи, сдѣлай милость, какую хочешь цѣну дай, а теперь поди-ка сунься! Мы, говорятъ, не больно въ васъ нуждаемся: намъ англичане больше дадутъ. Имъ хорошо безъ пошлинъ-то торговать, вотъ цѣну-то и набиваютъ! Поди-ка, потягайся съ ними, съ насъ однѣхъ повинностей то что взыщутъ!»...

«И вездѣ-то прежде насъ поспѣютъ: скупщики ихъ такъ и снуютъ повсюду. И что за народъ диковинный! Еще и двухъ лѣтъ нѣтъ, какъ грамоту отъ царя получили, а ужъ почитай во всѣхъ большихъ городахъ своихъ людей разсадили: вездѣ дворы завели свои, домовъ понастроили. Недѣлю тому назадъ, изъ Новгорода мой приказчикъ вернулся, такъ сказывалъ, туда пріѣхалъ англичанинъ Сенджвикъ и скупилъ весь ленъ и коноплю. Тоже, слышь, какъ жалуются купцы Новгородскіе. Мелкіе-то торговцы такъ и валятъ къ нимъ: имъ что, — лишь бы платили больше»...

«Только они и жалуютъ англичанъ, а послушалъ бы

ты, Осипъ Григорьевичъ, что народъ говоритъ, который на работу къ нимъ нанимается. За всякую малость, слышь, прогоняютъ, то и дѣло жалуются головѣ, ни за что въ тюрьму сажаютъ. Намъ, говорятъ, вашъ царь надъ вами волю далъ: что хотимъ съ вами, то и дѣлаемъ»...

Купцы горячились, кричали, наперерывъ другъ передъ другомъ высказывая недовольство англичанами.

Отяжелѣвшая голова Непѣи съ трудомъ разбиралась въ этихъ жалобахъ. Онъ понялъ только, что именитые купцы недовольны тѣми самыми англичанами, которые у себя на родинѣ оказали ему такой почетъ, какого ему, незнатному, небогатому вологодскому дворянину и во снѣ-то никогда не снилось.

«Вѣдь эдакъ они всю торговлю въ свои руки заберутъ! Что же мы тогда дѣлать будемъ»?! раздавались голоса.

«Осипъ Григорьевичъ, будь отецъ родной, заступись за насъ: какъ повезешь въ Москву грамоту-то отъ англійской королевы, замолви за насъ слово передъ царемъ. Пусть онъ смилуется надъ нами, не попуститъ нашего разоренія»!

«Пускай они товары свои привозятъ, только бы нашихъ-то не скупали»!

«Мы бы ихъ сами сперва скупили у мелкихъ торговцевъ, а они бы у насъ»...

«Вотъ это ладно, Семенъ Осиповичъ, вотъ это такъ! Тутъ бы и намъ барышъ былъ»! воскликнули всѣ разомъ.

Непѣя не зналъ, что и говорить. Онъ только оглядывалъ всѣхъ посоловѣлыми глазами и время отъ времени подносилъ къ своимъ губамъ чашку съ романеей.

«Скажи ты царю, — самый что ни на есть хитрый народъ это! воскликнулъ Петръ Григорьевичъ. Намедни

что сдѣлали! Обмѣнялъ я имъ мѣха куньи на сукно; такъ что вы думаете, — сукно-то оказалось все гнилое»...

«Ну, да и я въ накладѣ не остался, самодовольнымъ тономъ добавилъ онъ, наклонясь къ уху Семена Осиповича: мѣха-то имъ далъ подкрашенные»...

Оба засмѣялись.

«А тутъ еще канаты надумали дѣлать, добавилъ хозяинъ: ишь, какую хоромину выстроили. Эдакъ пожалуй, всѣ города своими дворами застроятъ. Вчера и рабочихъ наняли: стало-быть, подъ присмотромъ ихъ мастеровъ работать будутъ. Приходилъ ко мнѣ нынче Иванъ Максимовъ, что избу мнѣ эту строилъ, сказывалъ, прялокъ что этихъ наставили, станковъ разныхъ, все съ колесами, отродясь такихъ не видывали. Не знаютъ наши-то, какъ и взяться за нихъ»...

Рѣчи пирующихъ дѣлались все безсвязнѣе...

И хозяинъ, и гости были достаточно пьяны. Пиръ, стало-быть, удался на славу. Ужъ такъ изстари заведено на Руси. Коли гости пьяны, стало-быть, пиръ былъ веселый.

Именитые гости, разстегнувъ свои кафтаны, почти лежали на лавкахъ. Въ комнатѣ становилось темно. Порой раздавались только отдѣльные возгласы:

«Заступись, скажи царю, чтобы не давалъ въ обиду именитыхъ купцовъ своихъ»!

«Замолви слово за насъ! Скажи, чтобы прогналъ онъ этихъ басурманъ изъ нашей земли!»

«Нѣтъ, братцы, вѣдь какъ честили-то меня, вотъ какъ честили!» восклицалъ имъ въ отвѣтъ пьяный посолъ.

Наконецъ, и эти возгласы смолкли. Гости стали благодарить хозяина за радушный пріемъ. Кто былъ въ состояніи, отправился домой, а прочіе легли спать тутъ-же на лавкахъ.

ГЛАВА VII.

«Англичанинъ мудрецъ,
Чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину».

Канатная фабрика, или, какъ называли ее Холмогорцы «канатный дворъ», была готова. Она, конечно, мало напоминала собой теперешнюю фабрику съ ея громадными каменными постройками, съ высокими трубами, съ рѣзкимъ пронзительнымъ свистомъ и оглушительнымъ грохотомъ паровыхъ машинъ. Канатная фабрика XVI столѣтія была чрезвычайно простого устройства. Вся она состояла изъ двухъ крытыхъ бревенчатыхъ зданій съ цѣлыми рядами слюдяныхъ оконъ. Къ фабрикѣ примыкало два сарая и амбаръ, вотъ и все.

Уже мѣсяцъ, какъ на фабрикѣ шла работа. Англичане торопились. Корабль «Примерозъ», который привезъ Непѣю и канатныхъ мастеровъ, остался зимовать у Двинскаго устья, чтобы весной, лишь только начнется оттепель, снова отплыть въ Англію. Нужно было къ этому времени изготовить значительное количество канатовъ и отправить ихъ на родину. Ричардъ Грей цѣлые дни на фабрикѣ: онъ не знаетъ усталости, это дѣло дорого ему. Онъ еще какъ только пріѣхалъ въ Московію, написалъ въ Англію, что близъ Вологды разводятъ большое количество конопли, изъ которой получается пенька, чрезвычайно пригодная для выдѣлки канатовъ. Испрашивая разрѣшеніе у «Компаніи» построить въ Холмогорахъ фабрику, онъ обѣщалъ выслать канаты, которые будутъ много лучше и прочнѣе тѣхъ, что Англія выписывала

изъ Данцига. Удастся-ли ему оправдать довѣріе компаніи? Рано утромъ, поздно вечеромъ, среди дня, показывалась его высокая, статная фигура то въ одномъ, то въ другомъ зданіи фабрики. Уже сто пятьдесятъ рабочихъ нанято, а все еще мало... работа подвигается медленно: недостаточно и канатныхъ мастеровъ выписано изъ Англіи; за русскими рабочими нуженъ постоянный присмотръ: не привыкли еще къ работѣ. Поступали на фабрику всѣ, кому только была охота. Мудреная ли штука канаты вить. Это всякій сумѣетъ, тоже для своихъ судовъ дѣлывали. Такъ думали всѣ, нанимаясь на фабрику. Анъ, дѣло-то оказалось совсѣмъ не такъ просто. Англичане—народъ взыскательный, требуютъ чистой отдѣлки, ну, а они къ этому не привыкли. Поработай-ка у нихъ! они для одного трепанья цѣлую хоромину отстроили! Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ сараемъ, гдѣ хранились запасы пеньки, стояло небольшое зданіе, гдѣ трепали пеньку на особо устроенныхъ для этого трепалкахъ. Это были козлы, поставленные возлѣ оконъ, чтобъ свѣтлѣе было работать. Каждые козлы состояли изъ толстаго бруска, который помѣщался на полу. Къ этому бруску съ одной стороны была придѣлана доска, а на верхушкѣ доски находилась глубокая вырѣзка. Рабочіе вкладывали въ вырѣзки досокъ пучки необработанной пеньки и колотили по нимъ особо изготовленными для этого деревянными ножами. Отъ этой колотьбы въ трепальной было шумно и пыльно. Англійскій мастеръ пристально слѣдилъ за работой, переходя отъ одного рабочаго къ другому. Вдругъ глаза его гнѣвно сверкнули: онъ быстро выхватилъ изъ рукъ одного трепальщика пеньку и швырнулъ ему въ лицо.

«Вѣдь вотъ, поди ты: кажись, чего проще, — колоти ножемъ да и все тутъ, а все не такъ, все не угодишь, ворчалъ про себя рабочій, поднимая брошенную пеньку и снова вкладывая ее въ вырѣзку: тоже сами, бывало, дѣлывали! Положатъ пеньку бабы на доску, или на лавку и ну, колотить по ней палкой, или чѣмъ другимъ, а тамъ нитки выпрядутъ, изъ нихъ веревки совьютъ, самое пустое дѣло, а тутъ все не такъ»...

Рабочій не сказалъ только, что эти самодѣльные канаты были куда какъ не прочны, то и дѣло рвались. Между тѣмъ англичанинъ еще не обучившійся русскому языку, продолжалъ топать ногами и кричалъ одно хорошо заученное имъ слово: «не такъ, не такъ». Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, онъ взялъ пучокъ новой пеньки, заложилъ его корневымъ концомъ въ вырѣзъ доски, вырвалъ ножъ изъ рукъ растерявшагося трепальщика и принялся колотить имъ по пенькѣ, показывая, какъ надо ударять, чтобы не испортить волокна. Затѣмъ, возвративъ рабочему ножъ, англичанинъ заглянулъ въ корзину, куда складывалась готовая пенька. Выхвативъ первый попавшійся пучокъ, онъ съ досадой бросилъ его на полъ: работа была сдѣлана плохо, въ пенькѣ оставалось много кострики*)... Въ это время къ корзинѣ подошли двое рабочихъ. Англичанинъ выбралъ изъ нея всю недодѣланную пеньку, приказалъ ее еще разъ трепать, а рабочіе взяли корзину съ годной пенькой и понесли ее изъ трепальной; англичанинъ, провожаемый самыми недружелюбными взглядами, пошелъ вслѣдъ за ними.

---

*) Кострика—мелкіе кусочки древесины.

Зданіе, въ которое рабочіе внесли корзину, было то самое узкое, необычайно длинное зданіе, передъ которымъ въ первое время, какъ его выстроили, съ утра до вечера толпились холмогорскіе обыватели. Здѣсь возлѣ узкой поперечной стѣны стоялъ цѣлый рядъ станковъ. Каждый станокъ состоялъ изъ бруска, къ которому было придѣлано большое маховое деревянное колесо съ рукояткой у оси. Надъ этимъ колесомъ наверху было еще колесо гораздо меньше перваго. Посрединѣ маленькаго колеса находился крючокъ. На колеса была надѣта веревка. Таковы были очень простыя машины для свиванья нитокъ, скручиванья веревокъ и канатовъ, выписанныя англичанами съ родины.

Къ крючку на маломъ колесѣ прикрѣпляли пряди очищенной отъ кострики пеньки. Нарочно нанятые для этого рабочіе быстро вертѣли рукоятку большого колеса. Веревка приводила въ движеніе малое колесо, вращался и крючокъ на немъ. Пеньку, прикрѣпленную къ крючку, рабочій держалъ въ рукахъ и крѣпко натягивалъ свободный ея конецъ. Такимъ образомъ, отъ быстраго вращенья крючка, она скручивалась въ нитку. Къ концу скрученной нити рабочій прикладывалъ новую прядь пеньки и такъ доходилъ до противуположной стѣны. Нитка натягивалась во всю длину зданія: дальше некуда было двигаться. Тогда ее снимали съ крючка, начинали новую, а готовую складывали на полу у дверей. Когда подбиралось нѣсколько готовыхъ нитей, ихъ уносили въ небольшой крытый сарайчикъ съ отверстіемъ въ крышѣ, вмѣсто трубы. Посреди него была сложена изъ камней печь, на ней въ котлѣ кипѣла смола, которую въ изобиліи доставляли богатые сосною сѣверные лѣса.

Нити опускали въ деревянный чанъ съ кипящей смолой, смолили ихъ, высушивали и затѣмъ обратно относили въ длинное узкое зданіе.

Рабочіе только что выносили корзину съ готовыми, просмоленными нитями, какъ въ самыхъ дверяхъ на нихъ накинулся толстый англичанинъ съ суровымъ неподвижнымъ лицомъ и съ выбритымъ подбородкомъ. Это былъ Робертъ Бонтингъ, главный мастеръ канатнаго дѣла, самый строгій и взыскательный. Онъ еще въ Англіи началъ обучаться русскому языку у толмача Непѣи, Роберта Беста, и говорилъ на немъ довольно хорошо.

«Что запоздали? Живо поворачивайтесь: работа не ждетъ!» закричалъ онъ.

Рабочіе поспѣшили къ станку, сосѣднему съ тѣми, на которыхъ шло скручиванье нитокъ изъ пеньки. Колесо не вертѣлось, работа остановилась. Рабочій, стоявшій у рукоятки, отъ нечего дѣлать, переговаривался о чемъ-то со своимъ сосѣдомъ. Оба смѣялись и показывали кулаки за спиной двухъ англичанъ, стоявшихъ у окна.

Завидѣвъ Роберта Бонтинга и рабочихъ съ корзиной, они замолчали. Одинъ изъ нихъ, выбравъ изъ корзины цѣлый пучокъ просмоленныхъ нитокъ, нацѣпилъ ихъ на крючокъ малаго колеса и, вытянувъ ихъ во всю длину зданія, остановился у самой двери. Другой завертѣлъ рукоятку. Колесо загудѣло, нитки быстро закрутились: такъ свилась веревка.

Робертъ Бонтингъ съ минуту поглядѣлъ на работу и прошелъ дальше. Онъ громко ругался, торопя рабочихъ. Они не поспѣвали готовить нитки: приходилось еще нанимать рабочихъ. Много времени пропадало даромъ: тѣмъ, что свивали веревки и канаты, часто приходилось

сидѣть безъ дѣла. Глаза Роберта Бонтинга обратились въ сторону крайняго станка, на которомъ изъ готовыхъ веревокъ вили канаты. Здѣсь тоже была задержка: не было достаточнаго количества готовыхъ веревокъ. Какъ-то сразу не взлюбилъ Робертъ Бонтингъ этого рабочаго, который выдѣлывалъ канаты, а теперь, отъ нечего дѣлать разсматривалъ устройство колесъ. И расторопнѣе онъ всѣхъ оказался, и понятливѣе, а не взлюбилъ онъ его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ тотъ фабрику достраивалъ.

Иванъ Максимовъ между тѣмъ, не замѣчая устремленнаго на него взгляда англичанина, продолжалъ внимательно разглядывать устройство станка. Вмѣстѣ съ многими другими плотниками, онъ тоже поступилъ на канатную фабрику, благо осенью работы было мало, да и любопытно было поглядѣть, какъ нѣмцы будутъ обучать канатному мастерству.

«А вѣдь, что ты думаешь, Никифоръ, — обратился онъ къ своему хмурому, молчаливому товарищу, который стоялъ возлѣ рукоятки и безучастно глядѣлъ передъ собой, — что ты думаешь: вѣдь самая немудрящая вещь, — сколько хочешь, такихъ станковъ надѣлаю, — два колеса, да веревку, да рукоятку, и все тутъ. Самая нехитрая штука!»

«Стало-быть, не сдѣлаешь, коли изъ-за моря ихъ привезли!» равнодушно замѣтилъ хмурый собесѣдникъ.

— А вотъ и сдѣлаю, — задорно сказалъ Иванъ Максимовъ: меня еще намедни Семенъ Осиповичъ Баженинъ спрашивалъ: «а что, говоритъ, Иванъ, построимъ мы такой канатный дворъ». «Кто-же, говорю, и строилъ-то его, какъ не мы? Такая же изба, какъ и наши, только малость попросторнѣе»...

Англичанинъ услыхалъ этотъ разговоръ, и брови его сурово нахмурились.

Въ эту минуту къ Ивану Максимову пододвинули корзину съ готовыми веревками, но онъ не замѣтилъ этого, занятый разглядываніемъ колесъ.

«Все разговариваешь, а работа стоитъ; не видишь,— веревки готовы!»... раздался надъ самымъ его ухомъ рѣзкій, крикливый голосъ. Иванъ Максимовъ поднялъ голову. Передъ нимъ столъ Робертъ Бонтингъ. Лицо его исказилось отъ злости: казалось, вотъ-вотъ онъ ударитъ его!...

Иванъ Максимовъ, не говоря ни слова, неторопливо началъ прикрѣплять къ крючку пучокъ веревокъ.

«Поворачивай», сказалъ онъ Никифору, отступая назадъ.

Колесо быстро завертѣлось. Изъ веревокъ свивался толстый, прочный канатъ.

«Тоже,—сдѣлаю станокъ, кричалъ, между тѣмъ, англичанинъ: попробуй, сдѣлай: чего вы понимаете, варвары, дикари... всѣхъ прогоню!»

Онъ вынулъ изъ кармана небольшую книжку и сдѣлалъ въ ней какую-то помѣтку.

Рабочіе хорошо знали, что это означало. Англичане отмѣчали такъ тѣхъ, на кого хотѣли пожаловаться выборному головѣ. Дня не проходило, чтобы не записывали нѣсколько человѣкъ. Не мало народу изъ-за нихъ въ тюрьмѣ пересидѣло... а кто и плетей попробовалъ... за каждую малость взыскивали. И крѣпко не взлюбили они за это англичанъ.

«За что это онъ, братцы, меня записалъ: кажись бы не за что!» проговорилъ Иванъ Максимовъ, но въ эту

минуту на порогѣ двери показался самъ Ричардъ Грей. Онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ внутренность фабрики: отъ многочисленныхъ оконъ въ зданіи было свѣтло, колеса быстро вертѣлись, раздавался мѣрный, однообразный гулъ, всѣ были за работой. Ричардъ Грей остался доволенъ. Онъ подошелъ къ Роберту Бонтингу. Искоса поглядывавшіе на нихъ рабочіе видѣли, какъ Робертъ Бонтингъ что-то сталъ быстро говорить Ричарду Грею и при этомъ указывалъ глазами на Ивана Максимовича. Довольное лицо Ричарда Грея потемнѣло, на немъ выразилось явное неудовольствіе.

«Жалуется, стало-быть», подумали рабочіе.

Но они ошиблись. Робертъ Бонтингъ только передавалъ Ричарду Грею подслушанный имъ разговоръ Ивана Максимова.

Эти «дикари-москвитяне» оказываются очень понятливыми. Чего добраго, они и въ самомъ дѣлѣ научатся у нихъ, у англичанъ, и начнутъ сами фабрики да заводы строить. Это ужъ совсѣмъ не входило въ разсчеты англичанъ. Они одни должны всѣмъ завладѣть въ Московіи, благо Московскій царь жалуетъ ихъ. Не учить ихъ этихъ москвитянъ, пріѣхали они сюда, а извлекать выгоды для своей родины... Не лучше ли ужъ своихъ рабочихъ выписать изъ Англіи?

Ричардъ Грей задумался. Обойдя фабрику и разсѣянно взглянувъ на работу, онъ медленно пошелъ обратно, къ двери, что-то обдумывая, что-то соображая.

А на фабрикѣ попрежнему продолжалась работа. До самой поздней ночи, мѣрно, однообразно гудѣли вертящіяся колеса, раздавались грозные окрики англичанъ, взадъ и впередъ сновали рабочіе, перенося изъ одного

помѣщенія въ другое корзины съ пенькой, веревками и канатами. А холмогорскіе обыватели, проходя мимо, все еще дивились на эту иноземную затѣю, на эту первую на Руси фабрику.

ГЛАВА VIII.

«Нѣмого полюса сосѣдъ,
Дикарь унылый молчаливый,
Порою мчится самоѣдъ
Съ своей подругою сонливой.
Къ спинѣ прижавъ свои рога,
Его полярные олени
Мелькнутъ, не бросивъ даже тѣни
На неподвижные снѣга».

Далеко на сѣверо-востокѣ отъ Холмогоръ, на Ламперанскомъ островѣ рѣки Мезени (въ 18 верстахъ отъ теперешняго города Мезени) пріютилось небольшое село Ломпожня. Мертвенно однообразна окружающая его природа. Дремучіе лѣса южныхъ береговъ рѣки Мезени, приближаясь къ сѣверу, смѣняются мелкимъ невысокимъ кустарникомъ, а еще дальше на сѣверо-востокъ безконечной пустыней протянулась тундра. Огромнымъ болотомъ, смѣшаннымъ на половину съ пескомъ и сгнившими корнями водорослей, Мезенская тундра растянулась на 500 верстъ къ югу, на 1000 верстъ къ востоку до самыхъ береговъ рѣки Печоры. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ хорошо себя чувствуютъ во всякое время года только олени, да волки, да нѣкоторые мелкіе звѣри. Человѣку доступны эти топкія болота только зимою.

Казалось бы, кому была охота селиться по сосѣдству отъ этой непроходимой тундры? А между тѣмъ такіе охотники находились: это были все тѣ же сыны великаго Новгорода. Не оставили они безъ вниманія и сѣверныя прибрежья рѣки Мезени. Первыми явились сюда два новгородца — Окладниковъ и Филатовъ и положили здѣсь начало заселеніямъ, — одинъ ближе къ морю, а другой — немного подальше (гдѣ теперь городъ Мезень). Оба новгородца пришли съ семьями и съ твердымъ намѣреніемъ бороться съ гостепріимной природой и не падать духомъ передъ грозящими лишеніями. Они получили отъ царя Ивана Васильевича грамоты и права «копити на великаго Государя свободы и съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и въ сокольихъ и кречатьихъ садбищъ давати съ году на годъ великому князю оброки». Такъ заселялись сѣверные берега рѣки Мезени.

Коротокъ зимній день на дальнемъ сѣверѣ. Недолгій гость его — солнце ослѣпительно сверкаетъ на чистомъ, безоблачномъ небѣ. Въ Ломпожнѣ ярмарка. На большой базарной площади толпится множество народу. Здѣсь два раза въ годъ происходила мѣна товаровъ: все, что добывалось и производилось въ мѣстностяхъ, лежавшихъ по лѣвую сторону Двины, мѣнялось на промыслы всего извѣстнаго тогда сѣверо-востока — страны самоѣдской, Югры, Новой Земли, Вайгача и др.

Никогда еще, кажется, такого большого съѣзда не было въ Ломпожнѣ! Кого тутъ только нѣтъ! Вялой, медленной походкой расхаживаютъ по базару исконные хозяева тундры, — самоѣды, закутанные въ оленьи шкуры шерстью вверхъ. Ихъ некрасивыя, скуластыя лица съ узкими глазами, приплюснутымъ носомъ, уныло выгляды-

ваютъ изъ-подъ круглыхъ оленьихъ шапокъ съ ушами. Низко на лобъ спустились длинные, прямые волосы; вокругъ рта, вмѣсто усовъ и бороды, торчатъ нѣсколько жесткихъ, короткихъ щетинокъ. Окинувъ взглядомъ привезенные на ярмарку товары, они спѣшатъ къ своимъ вѣрнымъ товарищамъ оленямъ. Запряженныя въ узенькія саночки, олени стоятъ тутъ же, понуривъ головы и положивъ вѣтвистые рога свои на спину. Красивыя животныя еще не успѣли отдохнуть отъ той быстроты, съ которой они мчали по снѣжнымъ равнинамъ тундры своихъ хозяевъ торопившихся на базаръ. Тутъ же на саняхъ разложены и главные товары самоѣдовъ, — оленьи кожи и моржевая кость, такъ называемые «рыбьи зубы», которые они, съ опасностью жизни, промышляютъ у береговъ Новой земли и Вайгача.

Середину базарной площади занимаетъ другая группа людей. Издали ихъ можно смѣшать съ самоѣдами: на нихъ тѣ же шапки съ ушами; такія же мѣховыя одежды изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ защищаютъ ихъ тѣла отъ трескучаго мороза. Но, всмотрѣвшись поближе, сейчасъ же можно замѣтить и громадное отличіе ихъ отъ самоѣдовъ: лица зырянъ, такія же скуластыя, съ узкими глазами, кажутся несравненно красивѣе, — можетъ быть, потому, что въ нихъ нѣтъ той простоватости, того равнодушія, которыя отличаютъ самоѣда. Во взглядѣ узкихъ глазъ зырянина видны смѣтливость, лукавство: самая походка его увѣреннѣе, бойче. Проходя мимо самоѣда, онъ окидываетъ его взглядомъ, въ которомъ сказывается сознаніе своего превосходства надъ нимъ. И въ самомъ дѣлѣ, — простоватый самоѣдъ всегда у него въ рукахъ. За безцѣнокъ, за чарку водки зырянинъ сумѣетъ вы-

манить у него самыхъ лучшихъ оленей, и часто не успѣваетъ оглянуться самоѣдъ, какъ все это богатство, состоящее въ громадныхъ стадахъ оленей, переходитъ въ руки его ловкаго сосѣда. Зыряне пріѣхали на ярмарку съ береговъ рѣки Печоры. Это коренные, такъ сказать, природные звѣроловы. Въ лѣсахъ Печорскихъ они ловятъ всякаго звѣря, ходятъ на промыселъ даже въ Зауральскіе лѣса: знаютъ они, что найдутъ сбытъ своему товару: съѣзжаются въ Ломпожню купцы за нимъ изъ разныхъ городовъ — изъ Холмогоръ, изъ Вологды, изъ Устюга и др. И на саняхъ, и на прилавкахъ они разложили свой товаръ: бѣличьи мѣха, связанные пучками, лисьи — бѣлые и бурые, связанные сотнями: дальше лежатъ куницы: самыя лучшія — мезенскія; отдѣльно связаны пучки куньихъ хвостовъ. Не мало заготовлено и соболей, которые считались лучшими мѣхами. Ихъ держатъ въ узкихъ мѣшкахъ изъ синей холстины, открывающихся сверху и снизу. Много на саняхъ и прилавкахъ и другихъ мѣховъ, — волчьихъ, горностаевыхъ, заячьихъ, песцовыхъ... Пушного товару на ярмаркѣ въ изобиліи. Навезли его купцы изъ Пустозерска: они еще раньше скупили его у инородцевъ, разъѣзжая по ихъ юртамъ. Не мало привезено было на ярмарку и рыбы всякой. Нѣсколько поодаль отъ зырянъ, подъ крытымъ навѣсомъ, стояли бочки съ соленой семгой, которой много водилось въ рѣкахъ Мезени и Пинегѣ. Продавались и треска, и палтусъ, сельди, щука и всякая другая рыба, какую сѣверные рыбопромышленники могли только найти въ сѣверо-восточныхъ рѣкахъ...

Обычай русскихъ людей употреблять рыбу и мясо солеными заставлялъ солепромышленниковъ являться на

каждую ярмарку съ большими запасами соли. Она складывалась въ амбарахъ, или въ особо устроенныхъ сараяхъ. Соль привезли приказчики Никольскаго монастыря. Въ рядахъ, занимаемыхъ холмогорскими и устюжскими купцами, главное мѣсто среди другихъ товаровъ занималъ хлѣбъ. Сѣверо-востокъ не родилъ хлѣба, а берега Сѣверной Двины были плодородны. Весенній разливъ такъ увлажнялъ землю, что, не смотря на суровый климатъ, хлѣба родилось достаточно. И сами крестьяне, и купцы, скупавшіе у нихъ зерно, вывозили его на сѣверо-востокъ для промѣна на рыбу, пушного звѣря, моржовую кость. Въ сараяхъ были сложены большіе кули съ ржаной мукой и стояли огромныя бочки и полубочки съ зерномъ. Въ XVI вѣкѣ хлѣбъ продавался большею частью зерномъ, потому что почти въ каждомъ домѣ была своя ручная мукомольная мельница, на которой хозяинъ мололъ муку для собственнаго употребленія. Въ холмогорскомъ ряду красовались разныхъ размѣровъ деревянные сундуки, обитые тюленьей кожей; это было издѣліе холмогорцевъ: въ нихъ обыкновенно отвозили товары въ Москву и дешево продавали ихъ на ярмаркахъ для домашняго обихода. За сундуками, на рогожахъ, поставленныхъ на снѣгу, разложена была деревянная посуда — производство селъ и деревень по берегамъ рѣкъ Печоры и Сѣверной Двины. Блюда, ложки, чашки, солонки были самой грубой работы. Продавался холстъ и сукно русскаго издѣлія, но этотъ товаръ былъ очень плохого достоинства: его покупали только крестьяне.

Замѣчательной чертой нашей старой торговли было то, что продажа была чаще всего оптовая. Домовитый и расчетливый хозяинъ всегда старался покупать для

себя запасы оптомъ на долгое время, потому что при этомъ выигрывалъ четверть съ рубля. Рано вставши, онъ самъ ходилъ на рынокъ присматриваться: нѣтъ ли привозу, и, какъ купецъ норовилъ поспѣть со своимъ товаромъ, когда подобнаго товару было меньше, такъ, напротивъ, покупатель старался явиться къ торгу, когда навезутъ побольше товару. Товаръ, который не портился, закупался на годъ и больше, какъ, напримѣръ, лѣсъ и дрова, доски, дубья и прочее. Съѣстные припасы покупались пудами и бочками, ибо мясо и рыба употреблялись большею частію соленыя, а зимою и свѣжее не портилось. Рукодѣльные товары, закупаемые въ лавкахъ, пріобрѣтались также большими пропорціями. Зажиточный хозяинъ покупалъ сукно и матерію поставами и косяками; домъ его былъ полонъ всякой всячины на долгое время: это считалось знакомъ расчетливости и ума. При этомъ замѣчали, что покупаемые въ розницу товары хуже и при такой продажѣ больше обмана. Накупивъ товары, домохозяинъ считалъ долгомъ пригласить купца къ себѣ на *почестку*, угостить хлѣбомъ солью, а напослѣдокъ еще и подарить. Въ томъ убытка нѣтъ, говорили старички, *дружба-де впередъ познать: всегда мимо тебя товару добраго не продастъ и лишняго не возьметъ и худого не дастъ*. Къ числу старинныхъ обычаевъ принадлежитъ обычай давать *пополнокъ* (на придачу) какую-нибудь незначительность. Поэтому, розничная продажа было преимущественно для небогатыхъ и простолюдиновъ.

Другой отличительной чертой старой торговли Московскаго государства было то, что она была большею частью мѣновая: одни товары мѣнялись на другіе. Торговали также и на деньги, но онѣ принимались на вѣсъ, какъ

и всякій другой товаръ. Деньги были въ ходу иностранныя, называемыя у насъ ефимками, а русскія — рубли, полтины, гривны, копейки и др. Главная ходячая монета, *деньга копейная* или копейка, по наружному виду показывала, что форма ея заимствована отъ татаръ. Деньги были овальной формы и столь малы, что легко могли затеряться»*).

Солнце свѣтило ярко, морозъ былъ нестерпимый. Невообразимо шумѣли и кричали купцы, выхваляя свои товары. Закутанныя фигуры выборныхъ головъ и цѣловальниковъ обходили базаръ, собирая въ казну лучшій товаръ, наблюдая, чтобы все было въ порядкѣ, чтобы купцы не обмѣривали, не обвѣшивали, чтобы хлѣбъ вѣшали на казенныхъ вѣсахъ. Недружелюбными взглядами встрѣчали ихъ приходъ торговцы: никому не охота было отдавать даромъ лучшій товаръ, хотя бы то и въ царскую казну. Но цѣловальники привыкли уже къ такимъ взглядамъ и, не обращая на нихъ вниманія, забирали лучшую моржовую кость, которая сбывалась главнымъ образомъ въ Царьградъ, Персію, Бухарію, гдѣ шла на оправу ножей и кинжаловъ; затѣмъ переходили къ хлѣботорговцамъ, брали съ нихъ помѣрную пошлину, отбирали у рыбопромышленниковъ лучшую рыбу и спѣшили къ торговцамъ пушнымъ товаромъ. Хлопотливое это дѣло! Мѣха требовались въ казну самаго лучшаго достоинства, а купцы дорожили этимъ товаромъ. Здѣсь происходили всегда забавныя сцены: торговецъ божится, клянется, всѣхъ купцовъ въ свидѣтели призываетъ, что въ его саняхъ нѣтъ больше хорошаго товару, а цѣловальникъ, не говоря худого слова, безцеремонно лѣзетъ

*) Костомаровъ «Очеркъ торговли Московск. государства».

въ сани и вытаскиваетъ оттуда, что ни есть лучшія соболя, припрятанные купцомъ, а въ наказаніе за обманъ беретъ и тѣ, что похуже, не въ казну: такъ — себѣ пригодится. Инородцы и тѣ ловко научились обманывать: клянутся, божатся не хуже русскихъ купцовъ.

Ждутъ не дождутся зыряне, когда уйдутъ, наконецъ, цѣловальники, и имъ можно будетъ продавать свой товаръ. Опытный, зоркій глазъ ихъ давно уже запримѣтилъ на ярмаркѣ новыхъ покупателей, хотя, одѣтые въ высокіе мѣховые сапоги, въ широкія, длинныя шубы и большія шапки, холмогорскіе англичане мало отличались отъ русскихъ купцовъ. Съ ранняго утра, еще не начинался торгъ, пріѣхали они въ Ломпожню. И Ричардъ Грей здѣсь. Въ первый разъ еще онъ на Ломпоженской ярмаркѣ. Онъ рѣшилъ закупить здѣсь большую партію мѣховъ. За эти четыре года обозначилось, какіе товары изъ русскихъ находили наибольшій сбытъ въ Англіи. Это были воскъ, сало, ворвань, ленъ, мѣха и пенька (канаты). За покупкой этихъ товаровъ англичане ѣздили по всѣмъ ярмаркамъ и торжищамъ и не скупились на хорошія цѣны: Лондонская компанія предписывала имъ всячески заботиться о томъ, чтобы русскіе торговцы охотнѣе везли свои товары къ нимъ, въ Холмогоры и въ Вологду, чѣмъ въ Новгородъ — къ купцамъ голландскимъ и нѣмецкимъ. Хорошо изучили англичане, какіе изъ англійскихъ товаровъ больше всего требовались въ Московскомъ государствѣ: корабли ихъ то и дѣло подвозили къ пристани св. Николая огромное количество тюковъ сукна, бумажной матеріи, каразеи. Бочками привозились сахаръ и олово. Большой спросъ былъ при Московскомъ дворѣ также на писчую бумагу. Привозили лошадиную

сбрую и оружіе, пистолеты, ружья и пр. Этотъ послѣдній товаръ въ особенности цѣнился Московскимъ царемъ, который очень желалъ, чтобы въ Россіи было какъ можно больше оружія. Захватили англичане и сюда на ярмарку подходящаго товара: сукна потолще, бумажной матеріи и большой запасъ оловянной посуды. Они обходятъ ряды инородцевъ и русскихъ торговцевъ, внимательно осматривая ихъ товары. Много плутовства въ русскомъ купцѣ: не догляди, сейчасъ обманетъ: не разъ покупали они бочки сала: сверху казалось хорошимъ, а въ серединѣ было подмѣшано горькое, гнилое. Не разъ приходилось имъ уличать торговцевъ въ томъ, что они подливали въ ворвань воды. А обмѣрятъ, обвѣшаютъ такъ, что и не замѣтишь. Случалось, — купятъ одну вещь, а принесутъ домой «другую, хуже; когда успѣютъ обмѣнить, — и не догадаешься». А мѣха, такъ то и дѣло подкрашенные продавали. Прекрасно заучили англичане и тѣ пословицы, которыми русскіе купцы оправдывали свой обманъ: «не обманешь, не продашь», «на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ». И англичане научились не дремать: прежде, чѣмъ купить товаръ, со всѣхъ сторонъ его оглядятъ, каждую вещь осмотрятъ, ни въ чемъ не довѣряютъ русскимъ торговцамъ.

Но вотъ и товаръ въ казну отобранъ. Торговля идетъ бойче; громче раздается божба купцовъ, которые, по изстари заведенному на Руси обычаю, запрашиваютъ чуть не въ десять разъ больше стоимости товара. Морозъ становится крѣпче, а между тѣмъ на базарѣ начинаютъ появляться фигуры въ разстегнутыхъ кафтанахъ, слышатся громкія пѣсни. И это не ново для англичанъ: привыкли они видѣть на каждой ярмаркѣ въ московскомъ царствѣ

страшное пьянство. Народъ толпами валилъ къ кабаку, гдѣ продавались и пиво, и водка, и медъ. Пили и самоѣды, и русскіе, и зыряне, — пили много безъ мѣры. Честной народъ веселился такъ, что иноземцы только дивились, глядя на это веселье.

Вмѣстѣ со скорнякомъ Аллардомъ, Ричардъ Грей обходятъ ряды зырянъ. Внимательно осматривая каждую шкурку, они отбираютъ бѣличьи, лисьи и купьи мѣха и откладываютъ въ сторону, какъ ненужныя собольи и бобровыя шкурки. «Не всякому по карману соболи да бобры, писалъ имъ директоръ «Россійской Компаніи» въ Лондонѣ — Себастіонъ Каботъ: трудно ихъ сбывать въ Англіи, зато дешевые мѣха въ большомъ ходу». Какъ разъ въ то время въ Европѣ была большая мода на мѣха.

Дальше становятся отъ англичанъ богатые Холмогорскіе и Вологодскіе купцы. Вражда ихъ къ «басурманамъ» значительно возросла съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ возвращенія Непѣи изъ Англіи, царь пожаловалъ имъ новыя льготы. Дѣло доходило до того, что агенты Лондонской компаніи и именитые русскіе купцы при встрѣчахъ открыто выражали другъ другу взаимную ненависть. Но больше всѣхъ ненавидѣлъ ихъ Семенъ Осиповичъ Баженинъ. Гордому самолюбивому купцу обидно было уступить имъ первое мѣсто. Да и дѣла его пошли много хуже съ пріѣздомъ англичанъ, новгородская торговля сильно упала съ той поры. Вмѣстѣ съ своимъ приказчикомъ онъ тоже обходитъ ряды торговцевъ пушнымъ звѣремъ. Ежегодно закупалъ онъ здѣсь большія партіи этого товару для отправки въ Новгородъ; всѣ зыряне ему знакомы.

«Удивительное дѣло! думаетъ онъ: и сюда эти бусурмане явились, — нигдѣ отъ нихъ не спасешься! Ужъ

онъ ли не рано пріѣхалъ на базаръ, а они ужъ тутъ, какъ тутъ. Но что же это такое? Зачѣмъ это съ ними Марковъ?» — Марковъ былъ вологодскій купецъ средней руки, который нерѣдко скупалъ ему пушный товаръ съ небольшимъ барышемъ для себя. «Что жъ онъ, — толмачемъ что ли у нихъ здѣсь? Вонъ расхваливаетъ зырянамъ привезенную англичанами оловянную посуду, а у тѣхъ такъ и разгорѣлись глаза на блестящія чашки, да миски!» Семенъ Осиповичъ подходитъ нѣсколько ближе, вслушивается въ разговоръ. «Господи, Твоя воля, что же это такое, да онъ скупщикомъ у нихъ!»

Семенъ Осиповичъ съ мѣста не можетъ сойти отъ изумленія. Какъ же такъ: свой человѣкъ и противъ своихъ же! Вѣдь знаетъ онъ, что почитай весь товаръ пушной въ Ломпожнѣ переходитъ въ его, Семена Осиповича, руки: самъ, бывало, ему скупалъ. Чѣмъ же обошли его бусурмане? или выгоднѣе показалось служить имъ, чѣмъ своему брату?

Обидно и горько стало на душѣ Семена Осиповича, а англичане, какъ нарочно, то и дѣло проходятъ мимо, не обращая на него никакого вниманія. Только купецъ Марковъ избѣгаетъ его взгляда: видно, помнитъ еще, какъ самъ ругалъ басурманъ, а на прошлой недѣлѣ чуть не подрался съ Аллардомъ, когда тотъ скупалъ, привезенный на ярмарку въ Холмогоры, пушной товаръ. Однако, время не терпѣло. Семенъ Осиповичъ спѣшитъ къ санямъ своихъ обычныхъ поставщиковъ, но здѣсь его ждала новая неудача: зыряне, плутовато улыбаясь, указываютъ на огромныя связки шкурокъ, разводятъ руками и киваютъ головами въ сторону англичанъ, — продано, стало-быть. Они предлагаютъ ему дорогіе со-

больи и бобровые мѣха, не купленные Греемъ, но Семенъ Осиповичъ бросаетъ ихъ на снѣгъ: онъ едва можетъ сдержать душащій его гнѣвъ...

Между тѣмъ, ярмарка шла своимъ чередомъ. Торговцы божились, обманывали покупателей; народъ торопился напиться. Крики, ругань, пѣсни, божба, — все слилось въ одинъ сплошной гулъ, въ которомъ трудно было разобрать отдѣльные голоса. Но вотъ шумъ началъ мало-по-малу стихать, амбары и сараи стали запираться, ряды опустѣли. Первый день ярмарки приходилъ къ концу. Тоже самое было на другой и на третій день. Наконецъ, Ломпоженская ярмарка кончилась. Товары были всѣ распроданы. Воза, нагруженные рыбой, солью, хлѣбомъ, стояли, готовые двинуться въ путь. Олени, нагруженные всякой всячиной, купленной на базарѣ, только ждали оклика своихъ хозяевъ, чтобы двинуться восвояси.

Что-то тяжелое, гнетущее ложится на душу человѣка, когда на западѣ догорятъ послѣдніе яркіе, алые тона, и долгая ночь спустится надъ безконечной тундрой. Снѣжная равнина безъ кустика, безъ деревца, безъ деревушки утомляютъ глаза своимъ однообразіемъ. Вотъ на небѣ показалась звѣздочка, другая, третья...

Быстро бѣгутъ кони по ровной, гладкой дорогѣ, все дальше и дальше оставляя за собой Ломпожню. Грозенъ возвращается домой Семенъ Осиповичъ. Онъ даже не дождался конца ярмарки и, оставивъ тамъ приказчика, одинъ отправился домой. Мертвая, безконечная тундра, разстилавшаяся кругомъ него, еще болѣе усиливала его мрачное настроеніе. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ первый разъ въ жизни приходится ему возвращаться съ ярмарки безъ товара.

«Все перекупили басурмане! У однихъ — на оловянную посуду вымѣняли, у другихъ — на деньги: цѣну набавили. Развѣ за ними угонишься? Если по ихъ цѣнѣ скупать, такъ въ убытокъ торговать придется. Съ нихъ вѣдь никакихъ поборовъ не берутъ, а съ насъ кто только не тащитъ!»

Злоба душитъ именитаго холмогорскаго гостя: онъ плотнѣе завертывается въ теплую шубу, но ему какъ будто дѣлается еще холоднѣе. Въ памяти невольно встаютъ всѣ невзгоды, которыя приходится терпѣть русскому купцу. Недаромъ иноземцы называли московскаго царя первымъ купцомъ въ Московскомъ царствѣ. Дѣйствительно, казна вела обширную торговлю всѣми предметами, и, конечно, никакой купецъ не въ силахъ былъ состязаться съ такимъ богатымъ и всемогущимъ соперникомъ, который вездѣ — на торгахъ, на базарахъ, — отбиралъ себѣ самый лучшій товаръ и продавалъ его раньше другихъ: купцы не смѣли торговать прежде, чѣмъ не окончится царская торговля. Да и тотъ товаръ, который оставался на долю купца, былъ обложенъ всевозможными пошлинами. При этомъ, воеводы, таможенные и приказные люди всегда находили возможнымъ придраться къ чему-нибудь, утѣснить купца, чтобы сорвать съ него взятку. Собиратели пошлинъ непремѣнно старались взять что-нибудь лишнее противъ установленныхъ пошлинъ въ свою пользу. На заставахъ, на мостахъ, на перевозахъ таможенники, кромѣ положенныхъ поборовъ, не пропускали купцовъ безъ взятокъ и самовольно держали ихъ недѣли по двѣ, по три, если взятка казалась имъ недостаточной. Взяточничество, — эта язва стараго времени, давало жестоко себя чувствовать рус-

скому купечеству. Жалобы купцовъ на притѣсненія чиновныхъ людей, на ихъ лихоимство то и дѣло поступали въ Московскій приказъ, но тамъ сидѣли всѣ такіе же взяточники — подъячіе, которые тянули дѣло по нѣскольку лѣтъ и часто въ конецъ разоряли купца требованіемъ новыхъ взятокъ.

Все это припомнилось Семену Осиповичу, — всѣ несправедливости, обиды. Но это ужъ такъ изстари заведено, отцы и дѣды терпѣли ихъ, ему, богатому купцу всегда удавалось поладить и съ воеводами и съ приказными людьми... свои люди были. А вотъ глядѣть, какъ чужіе басурмане хлѣбъ отбиваютъ, это ужъ...

Громкій лай прервалъ тяжелыя думы Семена Осиповича. Его обгонялъ цѣлый рядъ оленей. Чуть скрипя, быстро скользили санки съ грузными фигурами самоѣдовъ, возвращающихся съ ярмарки. По сторонамъ съ визгомъ и лаемъ бѣжали собаки. Одинъ изъ самоѣдовъ что-то прокричалъ ему пьянымъ голосомъ... Обогнавъ Семена Осиповича, олени побѣжали тише. Собаки перестали лаять, и тогда въ тишинѣ послышались какіе-то заунывные звуки. То пѣлъ самоѣдъ свою нескладную пѣсню, пѣлъ о томъ, что видѣлъ передъ собой, о тундрѣ, о небѣ, объ оленѣ, о своемъ убогомъ берестяномъ чумѣ, что едва виднѣлся вдали изъ-подъ высокихъ сугробовъ снѣга... Вотъ заигралъ сполохъ. Чуднымъ голубымъ пламенемъ озарились небеса, засіяла мертвая тундра, засверкала, заискрилась всевозможными цвѣтами...

Но Семенъ Осиповичъ не глядитъ на оживившуюся природу: онъ еще ниже на лобъ нахлобучиваетъ свою огромную шапку, словно великолѣпныя лучи сѣвернаго

сіянія рѣжутъ ему глаза, мѣшаютъ ему думать его черныя думы.

Пришелъ ему на память тотъ день, годъ тому назадъ, когда онъ, вмѣстѣ съ другими купцами холмогорскими и вологодскими, провожалъ въ Москву Осипа Григорьевича Непѣю.

Нѣтъ, царскій посолъ не внялъ ихъ просьбамъ, не захотѣлъ отстоять передъ царемъ ихъ выгоды, обошли его басурмане знатной встрѣчей да ласковымъ обхожденіемъ. Словно еще хуже пошло съ тѣхъ поръ. Ни въ чемъ имъ отказу отъ царя не стало. Задумали открыть торговый путь изъ Россіи въ Китай черезъ Бухару, да въ Персію, — царь разрѣшилъ: Антону Дженкинсону, что пріѣхалъ тогда съ Непѣей, далъ дозволеніе на проѣздъ до Астрахани, велѣлъ всѣмъ воеводамъ на пути оказывать ему всякую помощь. Тоже не малые барыши будутъ брать, когда изъ Китая, да изъ Персіи станутъ вывозить товары въ заморскія земли. Прослышали, что возлѣ Вологды желѣзная руда есть, сейчасъ къ царю, и тутъ отказу нѣтъ, отвести имъ мѣсто для иску руды. Ищите, молъ, гости англійскіе, наживайтесь, богатѣйте нашимъ добромъ. Сказывали, коли найдутъ, сейчасъ желѣзный заводъ будутъ строить, — мало имъ канатнаго-то двора. Только годъ, какъ работа началась, а они ужъ 70,000 пудовъ канатовъ успѣли въ Англію отправить. А имъ все мало. Торговали русскіе купцы допрежъ того и съ нѣмцами, и со шведами, и съ голландцами, тоже своихъ выгодъ не упустятъ, ну а все не то. Теперь и между ними большая непріятность идетъ. Англичане-то собираются просить царя, чтобы имъ однимъ торговать съ Московскимъ царствомъ, а чтобы прочихъ иноземцевъ царь

выслалъ изъ всѣхъ городовъ, и теперь ужъ нѣмцы, да голландцы большое отъ нихъ притѣсненіе терпятъ. Ужъ больно захватисты! все бы имъ однимъ. И за что это только ихъ царь жалуетъ?

Знакомый окрикъ заставилъ Семена Осиповича оглянуться. Его догонялъ приказчикъ. Семенъ Осиповичъ остановился. Приказчикъ слѣзъ съ саней и подошелъ къ хозяину, но онъ не могъ сообщить ему ничего утѣшительнаго: ему удалось еще купить только нѣсколько шкурокъ соболей да бобровъ. Все скупили англичане: такую цѣну надавали, что нечего было и думать тягаться съ ними.

Семенъ Осиповичъ въ бѣшенствѣ сжалъ кулаки.

«Ну, погоди же, погоди!» — угрожающе шепталъ онъ,— «я найду, чѣмъ донять васъ, я вамъ покажу»...

Кони снова двинулись въ путь, а на темномъ небѣ еще великолѣпнѣе, еще торжественнѣе заблистало сѣверное сіяніе.

«А чѣмъ ихъ доймешь, у нихъ сила, за нихъ царь. Ни воеводы, ни таможенные приказные люди по приказу его не смѣютъ вмѣшиваться въ ихъ торговыя дѣла, не имѣютъ права задерживать ихъ, не то что насъ, грѣшныхъ. Мы — плуты, обманщики, глупцы, говорятъ они. Нѣтъ, кабы имъ такая задержка была въ торговлѣ, какъ намъ, такъ небось, не хуже нашего обманывать-то научились бы. Небось какъ въ царскую казну приходится отдавать съ корабля лучшіе товары, такъ тоже безъ грѣха дѣло не обходится. Самъ Филиппъ Родіонычъ не разъ замѣчалъ, какъ они цѣловальниковъ обманывали, имъ давали товаръ похуже, а потомъ лучшій-то, припрятанный, на ярмаркахъ «продавали»...

Вспомнилось это Семену Осиповичу, и вдругъ его осѣнила одна мысль.

«Знаю, нашелъ чѣмъ донять: теперь посмотримъ, кто кого одолѣетъ», почти крикнулъ онъ и привсталъ даже въ саняхъ; поправивъ сидѣнье, онъ окинулъ взглядомъ окрестности. Вонъ и жилье видать: здѣсь онъ остановится на ночлегъ. Лицо его прояснилось, складки на лбу разгладились. Усѣвшись поудобнѣе, онъ, что есть мочи, погналъ лошадей на огонекъ.

На небѣ угасалъ послѣдній лучъ сполоха, все погружалось во мракъ, а Семену Осиповичу стало вдругъ и радостно и весело, словно этотъ послѣдній лучъ проникъ ему въ душу и освѣтилъ ее своимъ яркимъ свѣтомъ.

ГЛАВА IX.

«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно царю напишу».

«Такъ что жъ братцы: подаемъ челобитную царю, чтобъ онъ этимъ самымъ басурманамъ такого ходу въ торговлѣ не давалъ. Житья, молъ, не стало своимъ гостямъ: хоть торговлю бросай».

Такъ говорилъ Семенъ Осиповичъ Баженинъ своимъ гостямъ, угощая ихъ дорогой романеей.

Прошло недѣли двѣ съ тѣхъ поръ, какъ на возвратномъ пути съ Лампоженской ярмарки, пришла ему на умъ эта мысль о челобитной; гвоздемъ засѣла она у него въ головѣ. Не могъ простить своей обиды англичанамъ именитый купецъ. Кое-кому изъ своихъ пріятелей онъ

ужъ заговаривалъ объ этомъ. Сегодня рѣшилъ окончательно переговорить съ купцами: чего медлить, нужно поскорѣй составить челобитную, да и въ Москву съ ней ѣхать... еще деньги надо собрать на посулы да на поминки дьякамъ, да подъячимъ въ приказъ: безъ взятки шагу нельзя ступить, не даромъ говоритъ пословица: въ судъ ногой, а въ карманъ рукой».

Человѣкъ пятнадцать богатыхъ купцовъ давно уже сидѣли вокругъ стола и угощались заморскими винами, а все еще никакъ не могли ни въ чемъ согласиться между собою. Они и сейчасъ медлили отвѣтомъ и нерѣшительно посматривали другъ на друга, ожидая, чтобы кто-нибудь изъ нихъ заговорилъ первый. Такъ ужъ изстари привыкъ всего опасаться русскій купецъ. Боялся онъ въ свое время степныхъ хищниковъ, что цѣлыми толпами набѣгали на русскую землю и грабили ея мирныхъ жителей; боялся злого татарина, что двѣсти лѣтъ разорялъ его имущество; боялся удалыхъ разбойниковъ, что громадными шайками рыскали по лѣсамъ, да по дорогамъ проѣзжимъ, поджидая обозы съ товарами; боялся воеводы, приказнаго человѣка, который во всякое время могъ разорить его; боялся и не довѣрялъ онъ и своему брату купцу.

А ну, какъ затѣялъ онъ что неладное противъ нихъ же; ну, какъ подвести ихъ хочетъ? Хорошій человѣкъ Семенъ Осиповичъ, — ненавидитъ онъ басурманъ не меньше, чѣмъ они, еще больше пожалуй, одинаково они всѣ отъ нихъ терпятъ, а все какъ-то боязно.

— Что жъ молчите, — снова заговорилъ Семенъ Осиповичъ, — аль не надоѣло глядѣть, какъ они у васъ изъ-подъ рукъ товаръ перехватываютъ? Иль ты забылъ, Иванъ

Петровичъ, какіе барыши бралъ, когда скупалъ въ Вологодскомъ краѣ ленъ, да отвозилъ его въ Нарву? А теперь гдѣ его возьмешь, коли англичане весь скупаютъ, да на своихъ корабляхъ увозятъ въ Англію? Или мало тебѣ, Василій Лукичъ, что торговля саломъ у тебя совсѣмъ стала съ тѣхъ поръ, какъ они отсылаютъ его на свою родину?...

Купцы, къ которымъ обратился Семенъ Осиповичъ, вскочили съ лавки, какъ ужаленные.

— Нѣтъ, Семенъ Осиповичъ, нѣтъ, не говори такъ, не забыли мы этого, а только...

— Что только, говорите...

— Боязно это! Послать челобитную недолго, да выйдетъ-ли толкъ-то какой: самъ знаешь, царь въ нихъ души не чаетъ.

Словно только этихъ словъ и дожидались гости. Они заговорили всѣ разомъ, высказывая свои опасенія...

«Пожалуй, какъ бы хуже не вышло. Разгнѣвается царь, да насъ же за челобитную-то въ тюрьму засадитъ»...

«Опять же деньги собирать нужно на посулы, да и поминки дьякамъ, а гдѣ ихъ возьмешь, самъ видишь, какая нынче торговля»...

«Потратимъ послѣдніе гроши, а ну, какъ понапрасну»?...

— Что же, братцы, — съ легкимъ укоромъ прервалъ ихъ Семенъ Осиповичъ, — неужто вы не знаете Баженина, — неужто думаете, что пойдетъ онъ на невѣрное дѣло: чай, самому толова дорога. А есть у меня заручка одна: хочу я въ челобитной-то прописать, какъ они царя обманываютъ: замѣсто того, чтобы въ казну лучшій товаръ отдавать, они припрятываютъ его въ своихъ амбарахъ, а въ казну сбываютъ, что похуже...

Купцы насторожились и внимательно слушали хозяина.

— Вотъ это ладно, — наконецъ раздались голоса, — стало быть, чтобы царь-то не больно довѣрялъ имъ...

— Только повѣритъ ли царь то, скажетъ, по злобѣ это мы на нихъ небылицы возводимъ, — послышался чей-то недовѣрчивый голосъ.

— Не скажетъ, — увѣренно замѣтилъ Семенъ Осиповичъ; я найду, кто подтвердитъ эти слова: на Филиппа Родіоныча сошлюсь, онъ самъ мнѣ объ этомъ не одинъ разъ сказывалъ; сколько разъ, говоритъ, примѣчалъ на пристани, когда они тюки да бочки разгружаютъ: дадутъ цѣловальникамъ будто лучшій товаръ, а глядишь, потомъ на ярмаркахъ продаютъ и сукно и каразею, куда лучше того, что въ казну отдали: стало быть, ловко научились прятать, а можетъ быть и цѣловальникамъ взятки даютъ; вотъ мы Филиппа-то Родіоновича и возьмемъ съ собой въ Москву: пускай все докажетъ. Коли уличатъ ихъ, небось, ужъ такой воли больше не дадутъ.

Это предложеніе очень понравилось купцамъ. Филиппъ Родіоновичъ — голова, приказный человѣкъ; ему нѣтъ надобности облыжно говорить противъ англичанъ; торговлей онъ не занимается, — ему повѣрятъ.

— Такъ, такъ, ну что жъ, можетъ и выйдетъ что, — сдавались купцы, — что жъ, Семенъ Осиповичъ, съ Богомъ, пиши челобитную, руки приложимъ... за нами дѣло не станетъ...

— Вотъ нынче вечеромъ обѣщался ко мнѣ быть Филиппъ Родіоновичъ, съ нимъ переговорю, а завтра съ нимъ же и челобитную изготовимъ... да что жъ вы, гости дорогіе, торопитесь, выпили бы еще...

Онъ налилъ полныя чарки и, поднимая свою, торже-
ственно проговорилъ:

— Дай Богъ, чтобъ удалось намъ наше дѣло, чтобы
услышалъ наши просьбы батюшка царь, чтобы убралъ
онъ изъ нашихъ краевъ подальше куда-нибудь этихъ
англичанъ проклятыхъ...

Гости съ готовностью осушили свои чарки за успѣхъ
начатаго дѣла и стали расходиться по домамъ.

Семенъ Осиповичъ остался одинъ. Давно уже не чув-
ствовалъ онъ себя такъ хорошо: онъ былъ увѣренъ
теперь, что всѣ купцы — холмогорскіе, вологодскіе,
устюжскіе приложатъ свои руки подъ челобитной: онъ
самъ поѣдетъ и въ Вологду, и въ Устюгъ, уговоритъ
ихъ, самъ и челобитную повезетъ въ Москву... Только
за Филиппомъ Родіонычемъ дѣло; ну, да онъ не отка-
жется: не мало тоже, за время своего житья въ Холмо-
горахъ, передавалъ онъ ему посуловъ-то всякихъ. Се-
менъ Осиповичъ въ своихъ мечтахъ ушелъ далеко. Ему
представлялось уже, что царь внялъ ихъ челобитной и,
въ наказанье за обманъ, запретилъ англійскимъ кора-
блямъ подходить къ Двинскому устью. И пойдетъ опять
все по-старому, онъ снова будетъ первымъ купцомъ
въ Холмогорахъ, повезетъ свои товары опять въ Новго-
родъ, поправитъ свои разстроенныя дѣла...

— Долго сидѣлъ такъ Семенъ Осиповичъ, не замѣчая,
что въ горницѣ давно уже было темно.

Стукъ въ дверь прервалъ его размышленія: онъ под-
нялъ голову и увидѣлъ на порогѣ Филиппа Родіоновича.

— А, гость дорогой, тебя только и недоставало: ми-
лости просимъ! — весело воскликнулъ Семенъ Осипо-
вичъ, вставая навстрѣчу гостю.

— Огня! — крикнулъ онъ, отворяя дверь въ сосѣднюю горницу.

— Что это ты, хозяинъ, въ такой темнотѣ сидишь? — замѣтилъ Филиппъ Родіоновичъ, осматриваясь кругомъ. Да никакъ у тебя гости были, — добавилъ онъ, указывая на столъ, уставленный закусками, виномъ и недопитыми стаканами...

— Какже, были гости, дѣльце тутъ одно мы ладимъ, только тебя и ждалъ...

— Что такое? — спросилъ Филиппъ Родіоновичъ, придавая своему лицу самое невинное выраженіе.

Въ эту минуту въ горницу вошелъ слуга съ двумя зажженными восковыми свѣчами, поставилъ ихъ на столъ и сталъ собирать со стола лишнюю посуду.

Хозяинъ дождался, пока слуга ушелъ и затѣмъ торопливо изложилъ гостю, въ чемъ дѣло.

— Такъ вотъ, значитъ, теперь за тобой дѣло, Филиппъ Родіоновичъ, — закончилъ онъ свою рѣчь, а то все готово: завтра челобитную пишемъ, да по санному то пути и въ Москву двинемся.

Филиппъ Родіоновичъ отхлебнулъ изъ чарки глотокъ вина, обтеръ концемъ полы усы и бороду, и, моргая узенькими глазками, неторопливо проговорилъ:

— Невдомекъ мнѣ, хозяинъ, что же вамъ отъ меня нужно, чѣмъ я вамъ могу помочь?

— Какъ чѣмъ? — удивился Семенъ Осиповичъ: — да вѣдь я жъ тебѣ говорилъ, — все дѣло разстроится, коли ты не согласишься подтвердить, что они царя обманываютъ...

— Богъ съ тобой, хозяинъ, кто царя обманываетъ?!

— Какъ кто, да, вѣдь, самъ же ты говорилъ, что не

разъ замѣчалъ, какъ англичане лучшій товаръ припрятываютъ, чтобы не отдавать его въ казну?!..

Филиппъ Родіоновичъ, насколько могъ, широко открылъ свои маленькія глазки и съ притворнымъ изумленіемъ глядѣлъ на Семена Осиповича.

— Когда я это говорилъ, хозяинъ: Богъ съ тобой? Грѣха только съ тобой наживешь, да я и не видывалъ никогда... Мое ли это дѣло: у нихъ свой староста есть, свои особые цѣловальники къ этому приставлены.

Теперь Баженинъ стоялъ передъ своимъ гостемъ съ широко открытыми глазами.

Что же это онъ въ самомъ дѣлѣ: морочитъ, что ли, его? Вѣдь, здѣсь, вотъ въ этой самой горницѣ, за этимъ самымъ столомъ, сколько разъ разсказывалъ ему о продѣлкахъ англичанъ, а теперь отпирается! Да и какъ это не его дѣло? Почитай, всякій разъ бываетъ на пристани, когда иноземцы товары привозятъ.

Семенъ Осиповичъ въ волненіи то ходилъ по горницѣ, то снова садился, не зная, что сказать, какъ объяснить себѣ отпирательство воеводы отъ своихъ словъ?

А Филиппъ Родіоновичъ сидѣлъ, какъ будто обиженный словами Семена Осиповича. Онъ искоса поглядывалъ на него, громко вздыхалъ и возводилъ очи къ иконамъ, словно призывая ихъ въ свидѣтели своей невинности.

— Напраслину ты на меня возводишь, Семенъ Осиповичъ,—наконецъ, проговорилъ онъ,—какъ есть напраслину: никогда я этого не говорилъ про англичанъ,—кто ихъ знаетъ, это ихнее дѣло...

— Такъ, стало быть, ты не согласенъ?— сдвигая брови и съ дрожью въ голосѣ спросилъ Семенъ Осиповичъ.

— Уволь, ради Бога, уволь: самъ знаешь,—для тебя я чего не дѣлалъ, а на эдакое дѣло не пойду...

— Та-акъ,—протянулъ Семенъ Осиповичъ, все еще не довѣряя собственнымъ ушамъ.

— Послушайся меня,—нѣсколько тише заговорилъ Филиппъ Родіоновичъ:—я и тебѣ не совѣтую,—брось это дѣло, ничего не выйдетъ, царь-то ихъ больше жалуетъ...

Но Семенъ Осиповичъ словно не слыхалъ послѣднихъ словъ Филиппа Родіоновича. Онъ залпомъ осушилъ большой кубокъ романеи и, остановившись передъ гостемъ, поглядѣлъ на него въ упоръ и медленно проговорилъ:

— Видно, старая-то хлѣбъ соль забывается, Филиппъ Родіоновичъ: запамятовалъ, видно, ты, кто тебѣ хоромы-то строить помогалъ,—стало быть, басурмане тебѣ больше по сердцу пришлись, знать ихъ угощенье лучше нашего...

— Не тебѣ, хозяинъ, корить меня своимъ хлѣбомъ солью, а что до англичанъ, такъ что жъ,—самъ царь за нихъ: гдѣ ужъ намъ, маленькимъ людямъ, противъ нихъ итти?!

— А я вотъ пойду, одинъ пойду, вдругъ внѣ себя воскликнулъ Семенъ Осиповичъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Что жъ, воля твоя, только не совѣтовалъ бы... а за симъ, коли за этимъ только звалъ, такъ прости, хозяинъ, мнѣ недосугъ, дѣло есть.

Гость ушелъ, а Семенъ Осиповичъ снова остался одинъ: онъ былъ оскорбленъ, обманутъ въ своихъ надеждахъ. Словно разъяренный звѣрь, бѣгалъ онъ по горницѣ, не зная, что дѣлать. По временамъ съ его устъ срывались слова угрозы, проклятья.

«Старая лисица, лихоимецъ, шепталъ онъ: продался

басурманамъ, — видно, басурманскіе-то посулы лучше нашихъ показались. Погоди же, дознаюсь я»...

Семенъ Осиповичъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что Филиппъ Родіоновичъ отказалъ ему только потому, что взялъ съ англичанъ крупную взятку и готовъ теперь самъ помогать имъ обманывать казну. Онъ слишкомъ хорошо зналъ этого лукаваго продажнаго человѣка: бывало, цѣлыми возами, отправлялъ ему всякой живности, когда была нужна его услуга, а мѣховъ что передавалъ...

«Развѣ купить его опять, пришло ему въ голову: да кто жъ знаетъ, — сколько ему англичане дали; они такъ и сорятъ деньгами, да и не пойдетъ онъ теперь... всегда туда гнетъ, гдѣ сила. Теперь и съ купцами не поладишь, давеча насилу уломалъ ихъ и то только потому, что поручился за Филиппа Родіоныча, а какъ узнаютъ, что онъ отказался, такъ всѣ на попятный пойдутъ»...

Семенъ Осиповичъ еще не зналъ, что Филиппъ Родіоновичъ сейчасъ-же отъ него отправился кое къ кому изъ купцовъ, чтобы отговорить ихъ отъ посылки челобитной.

«И чего опасаются, трусы: рады были бы, кабы за нихъ другой кто сдѣлалъ, а сами пальцемъ пошевелить боятся!»

«Не совѣтую и тебѣ», повторилъ онъ слова Филиппа Родіоновича, сказанныя имъ на прощанье. И безъ его совѣтовъ знаю, что теперь не выгоритъ дѣло: одному что ли въ самомъ дѣлѣ руку-то прикладывать къ челобитной?

«А Вологодскіе, Устюжскіе купцы», блеснула ему еще разъ надежда.

«Э, да всѣ они одинаковы: всѣ ругаютъ басурманъ, за угломъ готовы поколотить ихъ, а доведись до настоящаго дѣла, такъ всѣ на попятную...»

Семенъ Осиповичъ подошелъ къ столу и налилъ себѣ еще чарку настойки. Его, разгоряченное виномъ и злобой, лицо было страшно, глаза налились кровью, руки дрожали. Онъ только что хотѣлъ выпить вино, какъ вдругъ съ улицы донесся до него какой-то неясный гулъ.

Семенъ Осиповичъ поставилъ на столъ чарку, распахнулъ дверь въ сѣни и сталъ прислушиваться. «Караулъ, помогите!» послышался рѣзкій пронзительный крикъ.

Въ XVI столѣтіи такіе крики были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Не только въ такомъ захолустномъ маленькомъ городишкѣ, какъ Холмогоры,—и въ самой Москвѣ, нерѣдко среди бѣлаго дня можно было услыхать крики, взывающіе о помощи: либо кто кого грабилъ, либо просто драка какая случилась. Потому Семенъ Осиповичъ не былъ особенно удивленъ такимъ происшествіемъ. По русской пословицѣ «моя хата съ краю, ничего не знаю», онъ преспокойно затворилъ сѣни, посмотрѣлъ, — крѣпокъ ли засовъ: не ровенъ часъ, еще сюда съ пьяныхъ глазъ толкнется кто, и снова вошелъ въ горницу. Пора было думать и о снѣ, но Семену Осиповичу было не до того.

«И какъ все наладилось было, продолжалъ онъ свои думы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на уличный шумъ: ужъ тутъ бы имъ не сдобровать, пришлось бы спеси-то поубавить. Вѣдь вотъ поди ты, и тутъ поперекъ дороги стали, словно имъ кто сказалъ. Тоже посулы научились давать, нехристи окаянные»...

И снова въ душѣ своей Семенъ Осиповичъ почувствовалъ такой приливъ злобы, что, кажись, подвернись ему сейчасъ подъ руку самый безобидный англичанинъ, — ни минуты не задумываясь, размозжилъ бы ему голову, чѣмъ попало.

Между тѣмъ шумъ на улицѣ все усиливался. Даже сквозь запертыя ставни можно было разслышать крики многочисленныхъ голосовъ:

«Бейте ихъ, бейте, ребята: чего ихъ жалѣть!»

Очевидно, то была не обыкновенная драка. Драка давно бы кончилась, да и не такъ бы шумѣли тогда.

«Пойти взглянуть, что тамъ такое»?...

Семенъ Осиповичъ накинулъ шубу, надѣлъ шапку и, отворивъ изъ сѣней дверь, вышелъ на крыльце.

Ночь была морозная, лунная. Ярко сіяли звѣзды на небѣ. Бѣлый пушистый снѣгъ на дворѣ, на крышѣ сарая и конюшни сверкалъ изумрудами. Огромная цѣпная собака радостно залаяла при видѣ хозяина.

Семенъ Осиповичъ стоялъ, раздумывая, — выходить ему за ворота или нѣтъ?

«Что-то неладное творится: ишь, какъ кричатъ. Вонъ, слышно, бѣгутъ. Что за диковина такая! Иванъ, Семенъ, крикнулъ онъ, но на дворѣ никто не откликнулся: знать вся дворня убѣжала на улицу».

Семенъ Осиповичъ хотѣлъ было уже сойти съ крыльца и выйти за ворота, какъ вдругъ калитка отворилась и въ нее вбѣжалъ Иванъ Максимовъ. Онъ былъ безъ кафтана, въ одной рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ. Рубаха была во многихъ мѣстахъ разорвана, на головѣ не было шапки, волосы были всклокочены.

— Бьютъ ихъ, англичанъ, бьютъ наши! — закричалъ онъ, завидѣвъ Семена Осиповича.

Онъ еще съ прошлаго года нанялся къ Баженину: пристройку къ дому дѣлать, да такъ и остался на зиму,— благо дѣло нашлось. Его уже давно уволили съ фабрики англичане: такъ — ни за что, ни про что, просто Бонтингъ не взлюбилъ, ко всякой малости придирался. И съ той поры Иванъ Максимовъ затаилъ въ себѣ страшную злобу противъ англичанъ. Невольное чувство радости охватило все существо Семена Осиповича, когда онъ услыхалъ эти слова, но ему тутъ же пришло на память, что рукопашныя схватки не разъ происходили между англичанами и русскими и всегда оканчивались для послѣднихъ тюрьмой и палочными ударами.

— Никогда еще того не было, — продолжалъ Иванъ Максимовъ радостнымъ взволнованнымъ голосомъ: — почитай, изъ всѣхъ слободъ народъ сбѣжался, — изъ Подракурья, Курцевки, такъ и валятъ къ канатному двору. Что идетъ тамъ, бѣда! Я самъ одного уложилъ, теперь не скоро встанетъ. И силачи же эти англичане: долго съ нимъ повозился, гляди, — всю мнѣ рубаху изорвалъ, а по спинѣ такъ хватилъ, инда искры изъ глазъ посыпались... Ну, да теперь смирно лежитъ...

— Да разскажи ты толкомъ, — перебилъ его Семенъ Осиповичъ, — войди въ горницу, изъ-за чего все вышло?...

— Да все та же исторія: не хотѣли, стало быть, чтобы наши работали у нихъ на канатномъ дворѣ. Помнишь, еще лѣтомъ своихъ рабочихъ навезли и стали помаленьку нашихъ разсчитывать, будто за провинности разныя: плохо дескать работали. А какое плохо, иные лучше англійскихъ рабочихъ научились,— не Богъ вѣсть какое мудреное дѣло веревки вить. Ну, и терпѣли все наши-то до поры до времени. И всего-то на канатномъ

дворѣ осталось ихъ человѣкъ 50. Нынче, какъ кончилась работа, Бонтингъ-то имъ: идите говоритъ, куда хотите: не надобны вы намъ, и безъ васъ дѣло обойдется. Ну тутъ уже не вытерпѣли. Ужъ съ чего началось дѣло, не разобралъ я. Сказалъ ли кто изъ нашихъ обидное слово Бонтингу, или потомъ ужъ, какъ ушли отъ него, между ними и англійскими рабочими началось,—не знаю: только иду я мимо нѣмецкой слободы, слышу крики, драка, гляжу, изъ сараевъ, изъ амбаровъ, изъ трепальной басурмане бѣгутъ на нашихъ, а наши со всѣхъ концовъ прибываютъ. Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ...

Семенъ Осиповичъ глядѣлъ на работника такъ, какъ глядятъ на человѣка, который принесъ самую желанную вѣсть. А Иванъ Максимовичъ, переведя духъ, снова заговорилъ:

— А Грей-то, слышь, заперся, и Бонтингъ тоже. Боятся: знаютъ, что не больно они намъ по вкусу пришлись. Такъ имъ и надо, нехристямъ, не мало мы отъ нихъ вытерпѣли...

— Мало ли вытерпѣли,—какъ бы про себя повторилъ Семенъ Осиповичъ.

— Весь канатный дворъ теперь окружили наши-то: кричатъ, не пустимъ басурманъ, нашъ это дворъ, и лѣсъ нашъ, и наши плотники строили, и пенька наша. Ничего тутъ ихняго нѣтъ...

— А что же староста, излюбленный голова?

— Всѣ сейчасъ явились, и староста, и Дуда, и Филиппъ Родіоновичъ, всѣ тамъ, унимаютъ: ну, да гляди — не скоро уймешь...

Первый порывъ невольной радости въ душѣ Семена Осиповича уступилъ мѣсто безпокойству.

— А вѣдь, плохо придется нашимъ-то, какъ разгонятъ ихъ, да слѣдствіе начнутъ...

— Ну, тамъ еще что будетъ, — беззаботно сказалъ Иванъ Максимовичъ, — зато ужъ теперь досталось имъ: долго будутъ помнить. Гляди, какъ бы канатный-то дворъ не разломали...

Онъ вдругъ остановился, какъ бы пораженный собственной мыслью.

— А и въ самомъ дѣлѣ, чего на нихъ глядѣть, запалить бы со всѣхъ концовъ канатный-то дворъ: не доставайся молъ никому...

Если бы Иванъ Максимовичъ въ эту минуту взглянулъ на своего хозяина, — онъ увидалъ бы, какой злобной радостью озарилось все его лицо. Но онъ не видалъ этого. Громкіе пронзительные крики на улицѣ привлекли его вниманіе, и онъ, не сказавъ больше ни слова, бросился къ двери.

— Постой, куда ты, погоди, — закричалъ Семенъ Осиповичъ, бросаясь вслѣдъ за своимъ работникомъ, но тотъ былъ ужъ далеко.

— «Запалить бы со всѣхъ концовъ канатный дворъ,— повторилъ онъ про себя, возвращаясь въ горницу,— сжечь бы все, что они тутъ понастроили!»

Въ сердцѣ Семена Осиповича говорило чувство мести; не удалась челобитная, такъ пусть хоть чѣмъ-нибудь поплатятся...

Въ эту минуту именитый купецъ искренно завидовалъ своему работнику. Съ какой радостью бросился бы онъ самъ въ самую середину схватки, гляди, не поздоровилось бы тогда англичанамъ отъ его крѣпкихъ кулаковъ: сорвалъ бы онъ на нихъ свою злобу.

ГЛАВА X.

«И вотъ показалось зловѣщее пламя».

Долго сдерживаемое недовольство противъ англичанъ прорвалось, наконецъ, съ неудержимой силой. Изо всѣхъ слободъ откликнулся народъ, лишь только заслышалъ крики: «бейте англичанъ». Излюбленный голова и старосты насилу разогнали огромную толпу, которая неистовствовала возлѣ фабрики. Много было изувѣчено русскихъ, но зато жестоко досталось и англичанамъ. Одинъ изъ ихъ рабочихъ, какъ подняли его съ мѣста побоища, да отнесли еле живого домой, такъ тутъ же и Богу душу отдалъ. Не мало народу перехватали да въ тюрьму посадили по приказанію Дуды. Но строгія мѣры съ трудомъ могли успокоить взволнованное населеніе. На другой день, съ самаго ранняго утра, по улицамъ снова толпился народъ, впрочемъ, къ канатному двору боялись подходить. Суровыя наказанія обѣщалъ Дуда тому, кого увидитъ въ нѣмецкой слободѣ. Всѣ ожидали, не покажется ли кто изъ англичанъ, но ихъ нигдѣ не было видно.

— Что, испугались, видно, попрятались, говорили въ толпѣ.

А англичане, дѣйствительно, сидѣли по домамъ. Потерпѣвшіе во вчерашней схваткѣ проклинали судьбу, которая закинула ихъ въ эту дикую страну. Ричардъ Грей не спалъ всю ночь: онъ былъ взволнованъ, раздраженъ...

— Не правъ ли я былъ, — нѣсколько разъ повторялъ онъ одно и то же, — развѣ это люди, — это звѣри какіе-то, дикари, варвары...

Ричардъ Грей былъ правъ, конечно: жестокая расправа свидѣтельствовала о дикости, о грубости москвитянъ. Но въ одномъ только былъ не правъ предпріимчивый, дѣятельный агентъ лондонской компаніи: онъ забылъ, что этимъ дикарямъ, варварамъ, такъ же, какъ и имъ, англичанамъ, было свойственно чувство обиды, а англичане каждымъ своимъ шагомъ возбуждали въ нихъ это чувство.

Дѣло въ томъ, что торговля съ Московіей приносила англичанамъ огромныя выгоды. Они сами сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не имѣла такой важной будущности. Какъ Московія нуждалась въ произведеніяхъ природы, чуждыхъ ея сѣверному климату, какъ нужны ей были произведенія искусствъ и ремеслъ, съ которыми незнакомъ былъ еще русскій народъ, такъ точно и Европа нуждалась въ тѣхъ природныхъ богатствахъ, которыми изобиловала московская земля. Они смотрѣли на Россію, какъ на страну выгодную для нихъ, преимущественно по ея невѣжеству, потому, что русскихъ можно было легко обманывать.

Заводя въ Московіи фабрики и заводы, англичане совсѣмъ не хотѣли, чтобы москвитяне заимствовали у нихъ ихъ знанія, учились у нихъ «ремесламъ и мастерствамъ разнымъ», но это уже дѣлалось само собой, противъ ихъ желанія. Принужденные нанимать себѣ рабочихъ среди русскаго населенія, англичане волей неволей должны были дѣлиться съ ними своими знаніями.

Вотъ почему, замѣтивъ въ нихъ понятливость, смѣтливость, они поспѣшили выписать для холмогорской фабрики рабочихъ изъ Англіи и начали постепенно удалять русскихъ. Русскіе отлично понимали отношеніе къ себѣ

англичанъ; они не могли простить басурманамъ ихъ презрительнаго обращенія съ собой. Обида росла съ каждымъ днемъ. Англичане и русскіе составляли какъ бы два враждебные между собой лагеря. То и дѣло происходили между ними мелкія столкновенія; нерѣдко дѣло доходило до дракъ. Такъ было во всѣхъ городахъ, въ которыхъ поселились англичане, такъ было и въ Холмогорахъ. При этомъ англичанамъ, опиравшимся на любовь царя, всегда удавалось оправдаться, и это еще болѣе злило русскихъ. Отказа рабочимъ отъ работы на канатномъ дворѣ было довольно для того, чтобы накипѣвшее чувство обиды прорвалось наружу.

— «Дикари, варвары», — снова шепталъ Ричардъ Грей и съ безпокойствомъ поглядывалъ на улицу. Правда, излюбленный голова обѣщалъ имъ полную безопасность, клялся усмирить бунтовщиковъ; а кто жъ ихъ знаетъ! Въ этой дикой странѣ надо быть ко всему готовымъ.

Но въ нѣмецкой слободѣ было тихо. Народъ, съ утра толпившійся по улицамъ, къ обѣду началъ расходиться по домамъ. Избивъ нѣсколько человѣкъ англичанъ, уложивъ одного изъ нихъ наповалъ, толпа какъ будто успокоилась: какъ-никакъ, она все же отвела свою душу, отомстила за свои обиды ненавистнымъ басурманамъ.

Наступилъ вечеръ, на небѣ зажглись звѣзды, а въ слободѣ было по прежнему тихо. Англичане рѣшились, наконецъ, выйти изъ своихъ жилищъ. Ричардъ Грей только что собирался пойти посмотрѣть, какія поврежденія причинила фабрикѣ разбуянившаяся толпа. Говорили, что выбиты двери, сломаны какія-то лѣстницы, повреждено нѣсколько станковъ и похищено значительное количество готовыхъ канатовъ. Но въ ту же минуту до слуха его

донеслись громкіе крики. Ощупавъ въ карманѣ пистолетъ, онъ сталъ внимательно прислушиваться.

«Пожаръ! Канатный дворъ горитъ»! явственно раздалось на улицѣ.

Не помня себя, Грей бросился изъ дому — по дорогѣ ему попадались англичане, которые, забывъ всякую осторожность, со всѣхъ ногъ бѣжали къ фабрикѣ. Густые клубы дыма валили имъ навстрѣчу. Но крики обманули англичанъ. Канатный дворъ стоялъ пока цѣлъ и невредимъ. Огненные языки показались съ той стороны, гдѣ былъ сарай съ запасами пеньки.

Сутолока поднялась невообразимая. Англичане бросились тушить пожаръ, но это было дѣло не легкое: пенька быстро воспламенялась. Не было сомнѣнія: сарай долженъ былъ сгорѣть. Ричардъ Грей отдалъ приказаніе отстаивать канатный дворъ.

Между тѣмъ со всѣхъ концовъ города народъ бѣжалъ по направленію къ Нѣмецкой слободѣ, но никому и въ голову не приходило помогать англичанамъ. Всѣ словно заранѣе сговорились и держались на далекомъ разстояніи отъ мѣста пожара: ни одна душа не рѣшалась подойти ближе. Несчастье, постигшее англичанъ, доставляло несказанное удовольствіе толпѣ. Она радостно волновалась и шумѣла. Слышались шутки, насмѣшки надъ потерявшими головы англичанами.

— «Ишь забѣгали, словно полоумные, басурмане проклятые,—кричали вчерашніе бойцы,—поглядимъ, какъ-то вы теперь безъ насъ обойдетесь?»...

— Управляйтесь одни, коли мы вамъ не надобны!

— Гляди, братцы: самъ Грей принялся за работу, видишь, сарай ломаетъ!

— Ничего, теперь согрѣются, а то имъ все холодно у насъ...

Замѣчаніе показалось остроумнымъ: въ толпѣ захохотали.

— Тише, голова ѣдетъ!

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту показались сани Дуды...

— Что жъ, ребята, стоите, раздался его суровый голосъ: или думаете, до васъ огонь не доберется?...

Передніе ряды молчали, никто не двинулся съ мѣста.

— Далеко хватилъ: не туда вѣтеръ дуетъ, послышалось на заднихъ рядахъ...

— Можетъ, и дойдетъ огонь да не до насъ, а вотъ, гляди, ихъ-то слобода вся выгоритъ...

Дѣйствительно, пламя разгоралось все ярче и ярче, огненные языки такъ и сверкали, озаряя фантастическимъ свѣтомъ покрытыя снѣгомъ крыши сосѣднихъ зданій; трескъ горящей пеньки, грохотъ падающихъ бревенъ и досокъ, — все слилось въ одинъ сплошной гулъ съ громкими криками англичанъ, которые торопливо ломали амбаръ, рядомъ съ горящимъ сараемъ.

— Ломай, не ломай, а ужъ канатному двору не уцѣлѣть, — злорадствовали въ толпѣ...

— Идите тушить, — уже грозно закричалъ Дуда. Но толпа вмѣсто отвѣта попятилась назадъ.

— Или думаешь, намъ головы-то свои не дороги, Семенъ Аверкіевичъ? — самъ же нынче стращалъ: не сносить, говорилъ, головы тому, кто близко подойдетъ къ канатному двору, — задорно прокричалъ кто-то изъ толпы.

— Правильно, правильно, по твоему же приказу нейдемъ, — подхватило съ насмѣшкой нѣсколько голосовъ,

благо трудно было доискаться, кто говорилъ, если бы даже и вздумалъ Дуда наказать смѣльчаковъ.

Съ волненіемъ слѣдилъ Семенъ Осиповичъ Баженинъ за всѣмъ происходящимъ. Онъ тоже былъ въ толпѣ. Его домъ стоялъ далеко отъ Нѣмецкой слободы, которая была расположена отъ города, ближе къ берегу.

«Поджегъ это, или Божья воля», мелькало у него въ головѣ въ то время, какъ онъ внимательно прислушивался къ толкамъ въ толпѣ, которая рѣшительно не сдавалась и не шла на помощь англичанамъ.

— Не сдавайтесь, ребята! — чуть было не крикнулъ вслухъ Семенъ Осиповичъ, но въ эту минуту онъ услыхалъ, какъ кто-то вблизи назвалъ его имя. Онъ прислушался.

— А пожалуй, что и такъ, соглашался чей-то старческій голосъ: пожалуй, и онъ поджегъ... Еще прошлой осенью, какъ его англичане-то прогнали, такъ онъ все грозилъ сжечь канатный дворъ... крѣпко онъ тогда на нихъ озлился...

— Да и хозяинъ-то его теперешній, Семенъ-то Осиповичъ Баженинъ давно на нихъ зубы точитъ... — говорилъ другой голосъ помоложе.

— Чего добраго, онъ самъ и подговорилъ его. . Челобитную онъ, слышь, на нихъ царю хотѣлъ посылать: анъ не удалось, ну, и озлился...

Очевидно разговоръ шелъ объ Иванѣ Максимовѣ: на него падало подозрѣніе въ поджогѣ. Баженинъ вспомнилъ, какъ вчера, убѣгая на побоище, онъ грозилъ «запалить со всѣхъ концовъ канатный дворъ». А нынче цѣлый день его не было дома...

Голоса говорившихъ звучали явнымъ недружелюбіемъ къ нему, Семену Осиповичу.

Баженинъ осторожно оглянулся. Позади него, невдалекѣ, стояла небольшая кучка людей; по одеждѣ это были мелкіе торговцы, которые вообще не долюбливали богатыхъ купцовъ, но зато они одни изъ всего русскаго населенія стояли за англичанъ, потому что тѣ платили хорошія цѣны при скупкѣ ихъ товара.

— А будетъ ему за это, коли дознаются, да и Баженину-то не сдобровать, — продолжали свой разговоръ торговцы.

— Ну, можетъ, еще и не онъ: одинъ, что ли, онъ противъ нихъ? — вчера вонъ что было, — послышался третій голосъ.

— Толкуй — не онъ, а кто вчерась англичанина-то убилъ? — Онъ же: мнѣ мой работникъ сказывалъ...

Семенъ Осиповичъ взволновался.

«Если это такъ, дѣло пахнетъ не шуткой!» Его работникъ убилъ англичанина, его же подозрѣваютъ и въ поджогѣ, а самъ онъ, Семенъ Осиповичъ, въ тотъ же день челобитную на басурманъ писать собрался, всѣ знаютъ объ этомъ, всѣ знаютъ, что съ челобитной дѣло не вышло. Что мудренаго, — его и зачинщикомъ всего объявятъ: скажутъ, со зла это сдѣлалъ, работника подучилъ... Все складывалось не ладно. И Филиппъ Родіоновичъ не станетъ теперь его руку держать...

Именитому купцу стало не по себѣ. Чего добраго, потянутъ къ отвѣту, начнется судъ да дѣло, до царя дойдетъ, и не выпутаешься» ..

— «Да что-жъ это я въ самомъ дѣлѣ: вѣдь еще доказать надо, онъ ли это, а коли уликъ нѣтъ»...

— «Э, да какія тамъ улики, тутъ же перебилъ онъ себя: кому нужно — всегда найдутъ, была бы охота,

а басурмане этого дѣла такъ не оставятъ, имъ скажи только, что всему я виною»...

— Гляди, гляди, огонь-то на канатный дворъ перекинуло, ужъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ воскликнулъ кто-то въ группѣ торговцевъ, но Семенъ Осиповичъ, погруженный въ мрачныя думы, даже не поднялъ головы. Онъ не слыхалъ, какъ Дуда что-то крикнулъ толпѣ, не видалъ, какъ обратился къ ней съ какими-то словами Ричардъ Грей...

«Плохо дѣло, плохо», — шепталъ онъ про себя.

Громкіе, радостные крики пробудили его изъ раздумья. Онъ поднялъ голову. Пламя охватило уже значительную часть построекъ, загорались крайніе дома Нѣмецкой слободы. Но что же это? Въ толпѣ движеніе, первые ряды подались впередъ.

— Идемъ, ребята, слышите, бочку выкатятъ! — раздались голоса позади него, и вся кучка мелкихъ торговцевъ бросились къ горѣвшему канатному двору. За ними побѣжали и другіе. Но большинство стояло еще въ нерѣшительности, какъ бы раздумывая, итти ли на помощь басурманамъ, которыхъ еще вчера они готовы были перебить.

— Чего стоите: или не слышите, водка будетъ! — кричали имъ товарищи, убѣгая. Искушеніе было слишкомъ велико.

— Да что вы, братцы, водки что ли не видали, — пробовали остановить бѣгущихъ самые ожесточенные изъ вчерашнихъ бойцовъ, но ихъ уже не слушали. Толпа быстро рѣдѣла: всѣ бѣжали на помощь англичанамъ. Наконецъ, и вчерашніе бойцы, увлекаемые общимъ теченіемъ, устремились вслѣдъ за другими. Обѣ-

щаніе знатной попойки побѣдило и въ нихъ чувство вражды.

«Бѣгутъ на помощь, всѣ бѣгутъ», — повторялъ про себя Семенъ Осиповичъ, но теперь это было ему уже все равно. Его занимала больше грозящая ему самому бѣда. Онъ спѣшилъ домой, чтобы тамъ, на свободѣ, обдумывать свое положеніе, въ случаѣ, если во всемъ обвинятъ его.

Между тѣмъ пожаръ затихалъ. Закутавшись въ теплую шубу, Семенъ Осиповичъ взобрался на вышку своихъ хоромъ.

Ярко-красное зарево на небѣ поблѣднѣло. Только клубы дыма валили еще съ той стороны, гдѣ полчаса тому назадъ сверкали огненные языки пламени. Вотъ и дымъ порѣдѣлъ, и сквозь него показались обгорѣлыя зданія. Сарай съ запасами пеньки сгорѣлъ до тла; сгорѣли еще два амбара; безъ крышъ стояло нѣсколько домиковъ, принадлежащихъ англійскимъ мастерамъ. Канатный дворъ сгорѣлъ наполовину. Темнымъ, грязнымъ пятномъ казалась оставшаяся его часть, закоптѣлая, почернѣвшая отъ дыма.

Долго смотрѣлъ въ ту сторону Семенъ Осиповичъ. Не одинъ разъ хлопнула калитка на дворѣ, — то возвращались его люди съ пожарища. Вотъ и Иванъ Максимовъ вернулся. Семенъ Осиповичъ хотѣлъ что-то крикнуть ему, но взглядъ его упалъ на свѣтъ въ окнѣ, которое выходило во дворъ изъ небольшой пристройки. Ставни не были еще закрыты. Въ окнѣ промелькнуло еще не старое женское лицо, за нимъ показались русыя головки дѣтей.

«Семья, что будетъ съ нею, куда пойдутъ, когда меня

не станетъ? Сказать имъ, какая бѣда грозитъ ему? Нѣтъ, зачѣмъ: успѣютъ узнать... Можетъ быть, послѣднюю ночку поспятъ спокойно»...

Онъ снова взглянулъ въ сторону Нѣмецкой слободы. Судорога пробѣжала по его лицу.

«Погубители, окаянные, все изъ-за васъ, всему вы виною... отъ васъ идетъ мое разореніе, отъ васъ моя погибель! Отплатится когда-нибудь и вамъ, и дѣтямъ вашимъ, дождетесь вы»...

Онъ не кончилъ, сдѣлалъ угрожающій жестъ рукою и, полный самыхъ тяжелыхъ предчувствій сталъ спускаться внизъ.

ЭПИЛОГЪ.

«Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей».

Прошло около пятидесяти лѣтъ послѣ описанныхъ событій. Много воды утекло за это время, много событій совершилось на Руси. Умеръ «англійскій царь», какъ называли иногда Ивана Грознаго современники за его любовь къ англичанамъ. Умеръ и сынъ его — царь Ѳеодоръ. На Московскій престолъ сѣлъ Борисъ Годуновъ. Новый царь не меньше Грознаго жаловалъ англичанъ. Ихъ дѣла съ каждымъ годомъ шли лучше, они утвердились во всѣхъ большихъ городахъ Московскаго царства: англійскіе купцы богатѣли, торговыя дѣла ихъ процвѣтали. Только маленькій городокъ Холмогоры, первый изъ русскихъ городовъ, пріютившій ихъ у себя, постепенно приходилъ въ упадокъ. Въ ста верстахъ отъ него, возлѣ самаго Бѣлаго моря, вокругъ одиноко стоявшаго дотолѣ Архангельскаго монастыря, возникъ въ 1584 году новый городъ Архангельскъ. Выгодное для торговли съ чужими странами мѣстоположеніе сразу выдвинуло его среди другихъ русскихъ городовъ. Многіе купцы изъ Москвы, изъ Вологды, изъ Костромы и др. построили себѣ тамъ дома, а многіе перешли туда и на постоянное житье. То и дѣло подплывали къ новому городу иноземные корабли: закипѣла въ немъ жизнь.

Англичане построили здѣсь гостинный дворъ: большинство изъ нихъ переѣхали сюда изъ Холмогоръ. Холмогорская торговля постепенно переходила въ новый городъ. Заселялся, богатѣлъ Архангельскъ, — бѣднѣли Холмогоры...

Въ холодный зимній вечеръ, когда на дворѣ неистово бушевала вьюга, хорошо было даже и въ маленькой избушкѣ, что стояла на самомъ краю Курцевской слободы. Бѣдная избушка, тускло освѣщаетъ ее лучина, а все жъ въ ней много лучше, чѣмъ въ открытомъ морѣ, гдѣ такъ и гудитъ, такъ и завываетъ метелица.

На лавкѣ сидитъ престарѣлый дѣдъ и чинитъ сѣти. Трудно признать въ немъ Ивана Максимова. Пятьдесятъ лѣтъ тоже не мало времени. На полатяхъ лежитъ парень лѣтъ семнадцати. Свѣсивъ голову съ полатей, онъ глазъ не сводитъ съ дѣда и внимательно слушаетъ его разсказъ. Старъ дѣдушка: какъ лунь, бѣла его борода, много пожилъ онъ на свѣтѣ, на многое наглядѣлся. Подъ звуки завывающей метели, дѣдъ разсказываетъ, или вѣрнѣе говоритъ самъ съ собой, только по временамъ отвѣчая на вопросы внука. Онъ весь ушелъ въ прошлое: стародавнюю старину вспоминаетъ онъ...

«Что ужъ толковать, было тутъ не мало грѣха, всѣмъ досталось. И батогами били, и въ тюрьмахъ томили, много горя хватили изъ-за этихъ басурманъ. Я тогда годковъ на шесть постарше тебя былъ... ужъ и не помню, сколько въ тюрьмѣ-то высидѣлъ, всего натерпѣлся»...

«А съ Баженинымъ что сдѣлали?» — спросилъ внукъ.

«Что сдѣлали? На другой день послѣ пожара объявили его всему дѣлу зачинщикомъ: дескать, онъ надоумилъ насъ басурманъ-то поколотить, а меня подучилъ под-

жечь канатный дворъ: стало быть, золъ онъ былъ на нихъ больно, да и я-то ихъ въ ту пору вотъ какъ не любилъ... Ну, насъ и потащили: меня въ тюрьму, его — къ головѣ, — Дуда тогда былъ головой-то. И въ Москву Семенъ Осиповичъ ѣздилъ, долго тамъ жилъ: да нѣтъ, никакихъ уликъ не нашли, головѣ-то, стало быть, хотѣлось замять дѣло. Англичане въ Москву жаловаться поѣхали, въ посольскомъ приказѣ дѣла ихъ вѣдались, ну, а тамъ подъячій-то родственникомъ головѣ приходился: тянули, тянули дѣло, такъ и кончилось ничѣмъ, а то бы и головѣ не сдобровать: зачѣмъ народъ распустилъ»...

Дѣдъ замолчалъ и прислушался къ завыванію вѣтра.

«Вотъ, кабы тогда такой вѣтеръ: не уцѣлѣть-бы Нѣмецкой слободѣ: вся бы выгорѣла. Ну, да всему должно быть свое время: вотъ, теперь и нѣтъ здѣсь басурманъ, только на ярмарки пріѣзжаютъ, и канатный-то дворъ тогда послѣ пожара поправлять не стали, въ Вологду перевели, стало быть, чтобы пеньку не возить: оттуда вѣдь она шла изъ Вологды».

«Кто же поджегъ-то, дѣдушка?»

Дѣдъ отвѣтилъ не сразу. Онъ оставилъ свою работу и долго пристально глядѣлъ на огонь. Лицо его приняло какое-то неопредѣленное, неуловимое выраженіе.

«Кто его знаетъ, — какъ-то нехотя, скороговоркой, — проговорилъ онъ, наконецъ, — не дознались. Такъ ужъ, Божья воля, стало быть. За наши обиды Богъ наказалъ... Эхе-хе, много грѣха на свѣтѣ, охъ, много. Человѣка-то только понапрасну погубили». Изъ груди дѣда вырвался глубокій вздохъ.

«Какого человѣка погубили?»

«Да Семена Осиповича-то. Воротился онъ изъ Москвы

хворый, да сѣдой весь: стало быть доняли его тамъ судами-то. Слышь, всѣ деньги, что копилъ много лѣтъ, на посулы, да на поминки потратилъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ бы не въ себѣ онъ сталъ: бывало, говорить самъ съ собою начнетъ, — я въ ту пору только изъ тюрьмы вышелъ: приду къ нему, а онъ одинъ по двору ходитъ, да громко эдакъ кричитъ, грозитъ кому-то, а все больше англичанъ поминаетъ... и дѣла его тогда пошатнулись. А въ скорости, такъ годковъ черезъ пятокъ, и Богу душу отдалъ... царство ему небесное!»

Дѣдъ перекрестился.

«А тамъ уже все оно пошло по-другому, — снова началъ онъ, помолчавъ немного, — стали и англичане мало-по-малу переселяться въ новый городъ, въ Архангельскъ, а за ними и наши купцы потянулись. Пословица молвитъ: «яблочко отъ яблоньки недалеко падаетъ», ну, а тутъ не такъ вышло. Внукъ-то Семена Осиповича теперь тоже въ Архангельскѣ живетъ, да съ басурманами заодно; годовъ шесть эдакъ будетъ, сюда вмѣстѣ съ ними пріѣзжалъ закупать товары на ярмаркѣ»...

«А что, дѣдушка: лучше теперь безъ англичанъ-то стало?»

Дѣдъ долго не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Онъ поправилъ лучину и сталъ складывать сѣти.

«Кто жъ его знаетъ, — наконецъ проговорилъ онъ, лучше ли оно, хуже ли, много съ ними тоже грѣха было, захватистый народъ, все имъ мало было, всё бы имъ однимъ... да и то сказать, не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ, нигдѣ отъ нихъ житья нѣтъ... Ужъ не знаю, къ чему оно клонится, стало быть, жалуетъ ихъ тоже и теперешній-то царь. Гляди, какъ бы они все Московское-то царство въ свои руки не захватили»..

Дѣдъ замолчалъ и, немного погодя, сталъ молиться. Лучина догорала. Свѣтлые глаза внука продолжали слѣдить за каждымъ его движеніемъ, словно онъ ждалъ, не разскажетъ ли дѣдъ еще чего-нибудь изъ давно прошедшихъ временъ.

А дѣдъ только вздыхалъ, да крестился, да шепталъ молитву.

Лучина погасла, въ избѣ воцарилась тьма, дѣдъ сталъ укладываться спать.

«Такъ-то оно, внучекъ, такъ-то, снова послышался его старческій шопотъ, — всяко бываетъ на бѣломъ свѣтѣ, и хорошее и плохое... Поживешь, всего наглядишься».

Старый дѣдъ ошибся. Англичане не захватили въ свои руки Московское царство. Напротивъ, ихъ самихъ скоро постигла немилость Московскаго царя. Въ Москву то и дѣло приходили жалобы отъ другихъ иностранныхъ купцовъ на то, что англичане не пропускаютъ ихъ кораблей къ Московскому государству, и отъ русскихъ купцовъ также начали поступать къ царю челобитныя на англичанъ.

Наконецъ, въ 1649 году, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, исполнилось давнишнее желаніе русскихъ торговыхъ людей: англичане по царскому указу были высланы изъ всѣхъ городовъ Московскаго государства: имъ дозволено было торговать только у Архангельска и то съ платою обычныхъ пошлинъ.

Е. Волкова.

ЬНАЯ
0 НОЯБ 1919
ИОТЕКА

22/11

op

48084/c

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 072010058

ЕМ[illegible]ЪЪ, А. **Средняя Азія.** Очеркъ [illegible] Ц. 2-е, съ рисунками и картой. М. [illegible]
Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. [illegible] изданіи въ учен[illegible]ческія библіотеки низ[illegible]

ГОЛЫЧЕВОЙ, Т. **Троице-Сергіевская ла[illegible]** М. 1902 г. Ц. 10 коп.
— **Разсказы старушки о двѣнадцатомъ годѣ.** Съ рисунками. М. 1912 г. Изд. 11. Ц. 30 коп.
— **Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя.** Съ тремя портретами. М. 1907 г. Ц. 40 коп.
— **Пріемышъ.** Повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву. М. 1907 г.
— **Село Косино.** Съ рисунка[illegible]. М. 1904 г. Ц. 10 коп.
— **Митрополитъ Филиппъ.** Біографическій очеркъ. М. 1907 г. Ц. 10 коп.
— **Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница.** Съ рисунками. М. 1902 г. Ц. 40 коп.
— **Наталья Борисовна Долгорукова и Березовскіе ссыльные.** М. 1904 г. Ц. 15 коп.
— **Бабушкино благословеніе.** Повѣсть съ 5-ю рисунками. М. 1905 г. Ц. 50 коп.
— **Св. Стефанъ Пермскій.** М. 1903 г. Ц. 5 коп.
— **О славной Бѣлоозерской обители и ея основателѣ Кириллѣ.** М. 1903 г. Ц. 10 коп.
— **Московскій Кремль.** М. 1905 г. Ц. 30 коп.
— **Крестъ патріарха Филарета.** Съ рисунками. М. 1902 года. Ц. 30 коп.
— **Благовѣщеніе.** Повѣсть. М. 1903 г. Ц. 15 коп.
— **Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова.** Народная повѣсть М. 1904 г. Ц. 15 коп.

Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическ. библ. низш. уч[illegible]

Уч. Ком. при Святѣйш. Синодѣ допущено въ учебныя библіотеки духовныхъ и [illegible]

— **Почему сооруженъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя.** Чтенія для народа. М. 1903 г. Ц. 10 коп.
— **Семейныя записки.** М. 1903 г. Ц. 1 руб.

Мин. Нар. Пр[illegible] допущено въ платныя нар[illegible]тальни.

— **Князь Иванъ Калита. — Солнечный лучъ.** Повѣсть съ рисунка[illegible]. М. 1907 г. Ц. 75 коп.
Учен. Ко[illegible] при Святѣйшемъ Синодѣ допущено въ учен[illegible] библіотеки духовныхъ семинарій, мужскихъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

ФИЛИТИСТЪ, Ц. **Подвижныя игры.** Изданіе 3-е. М. 1912 г. Ц. 15 к[illegible]
Учен. Ко[illegible] Мин. Нар. Просв. Въ 1-мъ изданіи допущено въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

ЯРОСЛАВСКАЯ, Е. **Какъ Петруха разбогатѣлъ.** М. 1892 г. Ц. 10 ко[illegible]